

АРТЕМ ПАТРИКЕЕВ

И КРЕСЛО ЕМУ
ПОМОГАЛО
ЛЕТАТЬ

Артем Патрикеев

И кресло ему помогало летать

«Издательские решения»

Патрикеев А. Ю.

И кресло ему помогало летать / А. Ю. Патрикеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747316-7

Говорят, что инвалидное кресло приковывает человека к себе. Но... Девятилетний мальчик Миша живет своей жизнью, со своими приключениями, историями, иногда и неприятностями (но у какого мальчишки в таком возрасте не случается подобного?). Он никогда не унывает... Почти никогда. У него есть замечательный друг и не менее замечательные родители, помогающие ему жить полноценной жизнью. Впрочем, если посмотреть на его жизнь, иногда кажется, что как раз большинство современных детей и не живет вовсе.

ISBN 978-5-44-747316-7

© Патрикеев А. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Самое начальное начало	6
Знакомство	8
Качели	11
Варим макароны	17
Война с одуванчиками	22
Щенок	25
Собачьи хлопоты	36
И снова проблемы	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

И кресло ему помогало летать

Артем Юрьевич Патрикеев

Посвящается моему дяде – Патрикееву Андрею Юрьевичу, который всегда был и остается для меня примером мужества и стойкости. Он помог мне научиться воспринимать окружающий мир с юмором, независимо от того, что вокруг происходит.

Редактор Л. П. Пономаренко

Фотограф А. Ю. Патрикеев

© Артем Юрьевич Патрикеев, 2019

© А. Ю. Патрикеев, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4474-7316-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самое начальное начало

Мишка весело крутанул колеса инвалидного кресла и покатился по коридору.

– Хой-е-хей! Пашка, догоняй!

Пашка хмыкнул и тут же сорвался с места. Когда он подбежал, Мишка уже хватал свои кроссовки, стоящие на специальной полочке (с коляски до пола ему доставать было бы трудно-вато). Пашка быстро вставил ноги в свои кроссовки. Мишка же немного повозился со шнурками. Пальцы у него были ловкие и гибкие, но вот шнурки все равно иногда вызывали у него затруднения. Пашке было намного легче, ему родители специально купили кроссовки без шнурков, чтобы не мучился.

– Я тебя обогнал. – Пашка показал язык и открыл входную дверь. Он был частым гостем у Миши, поэтому знал, где, как и что открывать, куда идти, где что находится.

– Да эти шнурки вечно мне мешаются. Я их завязываю, а они развязываются. Вредные какие-то. – Мишка погрозил шнуркам пальцем. – Дождутся они у меня, завяжу узлом, потом сами будут мучиться, пытаюсь распутаться.

Пашка рассмеялся:

– Да как же ты сам потом эти кроссовки наденешь, с узлом-то?

– А я их и снимать не буду, пусть на ногах сидят и работают без остановки.

В Мишином голосе не слышалось ни капли сердитости. Наконец он справился со шнурками и поставил ноги поудобнее, чтобы они не соскользнули с подножек.

– Можем выезжать.

– Нет, это только ты можешь выезжать, я-то буду выходить, – подметил Пашка.

– Это точно.

Как всегда, Пашка сбегал вниз по лестнице, благо спускаться было недалеко, всего-то третий этаж, а Мишка съезжал на лифте. Специальный пандус для колясок был только на первом этаже, так что самостоятельно спускаться с третьего этажа Мишке было бы весьма затруднительно.

– Встретимся внизу, – еле успел крикнуть Мишка в закрывающиеся двери.

Мишка родился с ДЦП¹, но это нисколько не влияло на его жизнерадостное настроение. Сейчас ему было девять лет, но для своего возраста он выглядел на удивление умным, если не сказать – мудрым. Возможно, сказались трудные предыдущие годы, когда ему пришлось скитаться по разным оздоровительным центрам, которые почти ничем не помогли, скорее наоборот даже, влили в его потрясающую жизнерадостность серьезные моменты, а возможно, он просто сам по себе оказался таким ребенком. Его паралич выражался в очень плохо, а точнее, почти совсем не работающих ногах. Руки у него работали отлично, да и вся верхняя часть тела, а вот ноги подвели. Врачи сказали, что исправить ситуацию вряд ли удастся, хотя и старались прописать какие-то стимулирующие лекарства да направляли в разные санатории. Родители Миши в лекарства не верили, а в санатории тем более, раз те уже показали свою несостоятельность.

Так Мишка и жил, обычным (по его меркам) ребенком, который гуляет, играет, общается с друзьями. Вот разве что в школу его решили отправить только на следующий год, в десять лет, хотя уже сейчас он вполне прилично знал программу начальной школы, а уж передвигаться на своей инвалидной коляске мог почти как настоящий ас.

Вот и сейчас Мишка весело катил рядом с Пашкой, направляясь к детской площадке.

¹ ДЦП – детский церебральный паралич.

Был конец мая, и стремился он к своему концу весьма успешно. Поэтому в воздухе, во всяком случае, в детском воздухе, витали каникулярные, а порой и дачные или выездные настроения. Пашка уже сдал все контрольные и теперь в школу ходил только «для общения с одноклассниками», как говорил сам Павел. Мишка же делал задания по учебникам дома, а задания ему давала знакомая учительница начальных классов. Впрочем, в большей степени она была знакомой его родителей, но теперь, после целого года занятий с ним, учительница стала и его хорошей знакомой. Так как Мишка быстро все схватывал, то особых трудностей с заданиями не испытывал. Даже наоборот, он частенько забегал вперед, старательно просматривая учебники и даже выполняя некоторые задания заранее. Учительница, Вера Петровна, всегда улыбалась, когда он быстро и четко отгитараторивал новый материал. Она говорила: «Заниматься с Мишей – одно удовольствие. Мне бы весь класс таких детей». Для родителей такие слова были приятным бальзамом. Впрочем, в Мише они и так души не чаяли. Миша это чувствовал и платил родителям той же монетой.

– Как думаешь, дождя сегодня не будет?

Меньше любой другой погоды Мише нравились дождь и снег. Дождь потому, что дороги размокали и колеса коляски² вязли и пачкались, а снег потому, что заснеженные дороги преодолевать было сущим наказанием. Впрочем, Михаил и в такую погоду не унывал, дома он всегда мог придумать себе развлечение, или развлечение само находило его, тут уже трудно было сказать конкретно. Друзей у Миши было немного, но зато им точно подходило понятие «настоящие друзья». Миша мог доверять им целиком и полностью. Паша был как раз одним из его лучших друзей. Они познакомились случайно, совсем недавно и как-то сразу их общение удачно сложилось. Впрочем, лучше, если это будет отдельная история.

² Не надо удивляться, что Мишка то катается на кресле, то на коляске. Просто его средство передвижения называлось «кресло-коляска». Сам Мишка иногда шутил, что он может выбирать на чем кататься, хочет – катается на коляске, не хочет – на кресле.

Знакомство

Миша осваивал резкий поворот на пустой дороге за домом. Тут только собак прогуливали да очень редкие прохожие сокращали путь, так что никто не мог ему помешать. Задача была сложной – разогнаться как можно быстрее, резко затормозить правое или левое колесо, за счет чего коляска начинала быстро разворачиваться.

«Полицейский разворот» – так называл этот сложный гоночный элемент Мишка. Только называл он его сам себе, мысленно. Родители явно не одобрили бы такое развлечение. Ведь так недолго и перевернуться. Но Мишу это мало заботило. Точнее, беспокойство родителей его, конечно, напрягло бы, но только при том условии, что родители застукали бы его за этим небезопасным занятием. А так, «раз они не видят, то и не беспокоятся», решил Михаил и поэтому спокойно развлекался, изучая новые возможности своего инвалидного кресла. Кресло у него хоть и было простым, однако отличалось несомненной надежностью и неплохой проходимостью. И тем и другим Михаил беззастенчиво пользовался. Кроме того, ему помогали перчатки, так как далеко не всегда он пользовался специальным ободом для рук на колесе, намного чаще крутил само колесо, так ему казалось удобнее, да и руки никуда тянуть не надо было. При таком способе скорость он набирал намного быстрее. А гонять он, конечно же, очень любил. Какой мальчишка не любит скорости? Найти такого трудно, а Мишка и был обычным мальчишкой... ну почти обычным.

Итак, неплохую скорость набирать получалось, места хватало, но вот сам поворот получался как-то не очень успешно. Михаил боялся сразу сильно хвататься за быстро крутящееся колесо. Он все привык делать постепенно и на этот раз поступил так же. Постепенно увеличивал силу воздействия на крутящееся колесо. Сначала лишь слегка постарался его придержать – из этого почти ничего не вышло. Затем захватил колесо посильнее. Оно все еще прокручивалось между пальцев, но уже не так резво. Поворот получился неплохой, но недостаточно резкий, как решил Мишка. И вот теперь парнишка несся на всех парах вперед, готовясь применить экстренный поворот.

Скорость набрана, колеса крутятся как бешеные, Михаил возбужденно перебирает пальцами, готовясь вот-вот испробовать придуманный способ, как вдруг прямо перед ним выбежал мальчишка, а затем с криком отпрыгнул в сторону.

– А-а! – Мишка со всей возможной быстротой и резвостью схватился за колесо. Он испугался врезаться в непонятно откуда взявшегося мальчишку. Полицейско-колясковый поворот получился... почти. Кресло мощно развернуло, а затем повалило на спинку. Мишка успел слегка сгруппироваться и напрячь шею, так что сильно головой о земляную дорожку он не стукнулся, но из кресла вывалился.

Мишка лежал на спине и смотрел вверх. Красивые зеленые ветки весело качались над головой, а яркие солнечные лучи с трудом пробивались через них, как будто старались добраться до мальчика и осветить ему в глаза. Мишка на несколько мгновений даже забыл о всей ситуации: о мальчишке, о перевернутом кресле, о своем опыте, он даже, наверное, улыбнулся бы, но не успел. Прямо над головой появилась забавная непричесанная и изрядно испуганная рожица.

– Ты что творишь? – спросила рожица.

– Я тебя хотел спросить о том же, – парировал Мишка и приподнялся на локтях.

– Я шел, никого не трогал, а тут смотрю – какая-то черная штука сбоку как вылетит...

Кстати, меня зовут Павел.

– Это ты как-то очень быстро шел, – усмехнулся Михаил, вспоминая, как резво выскочил перед ним этот парнишка. – Кстати, я Мишка.

Михаил так всегда себя и называл «Мишка». Почему-то ему очень нравился именно такой вариант своего имени.

– Тогда можешь звать меня Пашка. Тебе помочь? – Павел хотел наклониться и помочь своему новому знакомому встать, но Мишка отмахнулся.

– Поставь лучше коляску, а залезу на нее я сам.

Пашка быстро поставил коляску и немного подвинулся в сторону, давая дорогу Мишке.

– А как...

Пашка не успел закончить свой вопрос. Мишка легко перевернулся, подполз к креслу и быстро вскарабкался на него.

– Вообще, садиться на кресло с кровати или стула намного удобнее.

– Понимаю. – Пашка уважительно смотрел на нового знакомого.

– Я отработывал разгон и разворот, – стал пояснять Мишка. – И, ты знаешь, у меня ведь практически получилось! Если бы не завалился на спину, то вообще было бы замечательно. Но, как видишь, слишком большая скорость не дает коляске устоять, заваливает ее назад. Надо будет подумать над этой проблемой.

– Может, добавить грузы на ноги, чтобы вес спереди увеличить? – подал идею Павел.

– Хм-м... А ведь это вариант... наверное. Но лучше пока мне с этими опытами повременить, а то я и так весь испачкался. Что теперь родителям скажу?

– Скажи, что со мной играл на детской площадке, вот и перепачкался, – придумал Пашка.

– Я никогда не вру, особенно родителям.

Трудно было сообразить, что значит «никогда не вру» и «особенно родителям». Тут или «никогда не вру» или «не вру родителям». Впрочем, это только взрослые начинают задаваться такими глупыми вопросами. Детская логика вполне спокойно относится к таким парадоксам. Что и к лучшему. Смысл-то вполне понятен.

– Так и не надо врать, пошли поиграем.

– Пошли, – быстро согласился Мишка.

В тот день, пока ребята еще мало знали друг друга, игра шла немного вяло. Точнее, игра шла, но Пашка не знал, что можно предлагать такому парнишке, как Мишка, а Мишка не знал, чего вообще можно было ждать от Пашки. В этом и состояла некоторая проблема.

Впрочем, это только взрослые мучаются и не знают, что говорить, кому говорить, зачем говорить. Ребята просто общались. Один предлагал, другой соглашался, затем второй предлагал, и так далее, а кроме того, то один, то другой постоянно рассказывали байки из своей жизни, чем изрядно развлекали друг друга. Под конец они уже просто сидели и болтали. Пашка сидел на скамейке, а Мишка – на кресле.

Знакомство получилось насколько случайным, настолько и удачным. Ребята оказались весьма схожи по характеру. Кроме того, они еще и по типуажу оказались весьма похожими – оба худые, жилистые, весьма подвижные, а главное, жизнерадостные придумщики. А таким только ведь найти друг друга, как начнут байками развлекаться да придумки свои в жизнь воплощать, так все потом на ушах стоят. Вот разве что Пашка был на пару лет старше Мишки, но такой огромный временной разрыв несколько не влиял на их отношения.

Родителям Мишиным новый его друг сразу понравился, и они с радостью приняли его в свою семью, практически на правах второго сына. Родители Пашки даже как-то заходили в гости, чтобы познакомиться с таким замечательным мальчиком, как Мишка, и его родителями. Вот только сам Мишка к Пашке прийти не мог. Павел жил на седьмом этаже длинной девятиэтажки, в таком доме о пандусах для инвалидов никто не думал, а затаскивать коляску, да еще и с парнишкой (хоть и не очень тяжелым), Пашке было не под силу. А звать кого-либо на помощь ребята считали неправильным, вроде как не по-пацански получалось бы. А пацаны должны сами справляться со своими проблемами. И данная проблема пока висела в воздухе

и не решалась. Впрочем, нельзя сказать, чтобы ребят это сильно расстраивало. Мишкиной квартиры, двора и прилегающей территории им вполне хватало. А уж имеющееся пространство они старались использовать по полной.

Качели

В один из прекрасных дней ребята осваивали качели. Сначала они качались как обычные люди. Пашка помог Мишке забраться на сиденье, а сам сел напротив. Получилось весело и приятно. Но минут через пятнадцать качаться просто так друзьям наскучило. И Мишка предложил:

– Давай я попробую за качели схватиться, а ты будешь их качать. Посмотрим, сможет ли моя коляска кататься так же, как качаются качели.

Пашке идея показалась почти гениальной, ну, или, во всяком случае, интересной. Где еще он мог увидеть подобный опыт? Даже разрушители мифов над такой проблемой не задумывались. Но Мишка ведь голова!

Сказано-сделано. Мишка схватился за качели.

– Испытание номер один! Тяни!

Пашка потянул, но тут же услышал:

– Стой, стой!

Пашка остановился и отпустил качели.

– Ай!

Пашка выбежал в сторону, чтобы посмотреть, что же случилось.

Мишка криво сидел в кресле и потирал грудь.

– Вот ты меня приложил. – Несмотря на боль, он улыбался.

– Я?! – удивился Пашка.

– Я же крикнул «Стой!», а не «Отпускай!», чувствуешь разницу?

Пашка слегка насупился и парировал:

– Разницы в этих словах никакой, только некоторые буквы разные.

– Я бы даже сказал, что многие, – рассмеялся Мишка.

– А вот и не многие, – уже веселее сказал Пашка. – Все буквы из слова «стой» есть и в «отпускай». Так-то! – Он показал язык. Как-то привязалась к нему эта привычка и не хотела отпускать.

– Ладно, ерунда. Это моя вина, – махнул рукой Мишка. – Я пристегнуться забыл.

Пара быстрых и четких движений, и вот ремни (которые, после его крутого переворота при знаменитой встрече – как называли этот момент ребята – всегда были наготове) уже крепко охватывали худое Мишкино тело. Хорошенько всё проверив, парень схватился за качели.

– Испытание номер два! Пробуем еще раз?

– Пробуем.

Пашка уверенно кивнул и стал легко тянуть качели в противоположную сторону. Коляска последовала со своим хозяином, крепко ухватившимся за железную конструкцию.

– Достаточно? – крикнул Павел, когда качели прошли почти половину своей длины.

– На первый раз, думаю, да, – серьезно ответил Мишка. – Отпускай!

Пашка отпустил. Качели всей своей тяжестью пошли давить сначала на Мишкины руки, а потом, когда руки согнулись, и на самого Мишку вместе с коляской. Зато колеса не подвели. Коляска спокойно откатилась назад, затем снова последовала за качелями и еще разок назад.

– По-моему, совсем неплохо, – заметил Мишка, потирая слегка ушибленный нос. – Вот только надо мне покрепче руки держать.

– Пробуем третий раз? – Пашка, стоявший уже рядом и видевший все действия своего друга, был уверен в успехе.

– Только давай посильнее теперь, раза в два-три.

– Не, ну в три это ты уже маханул. А вот в два еще можно попробовать. – Пашка уже мысленно прикинул, до какого промежутка ему удобно будет оттягивать качели.

– Испытание номер три! – скомандовал Мишка и посильнее ухватился за качели. Перчатки, к которым он уже так привык, держали жестко и мощно, как говаривал сам Мишка – «не отдерешь». – Начали!

Пашка потянул. Он шел медленно, стараясь следить за тем, как катится коляска. Впрочем, из-за массивных и громоздких качелей ему это было не очень хорошо видно. Но он надеялся, что, в случае чего, Мишка ему подскажет.

– Мне кажется, что достаточно! – крикнул Пашка.

– Запускай!

Пашка отпустил руки. Точнее, отпустил качели, которые держали эти руки, хотя нет – качели руки не держали... В общем, автор запутался и возвращается к повествованию.

Качели понеслись назад. Колеса коляски привычно покатались, очень быстро набирая скорость.

– Хо-хо! – успел крикнуть Мишка, когда правое колесо коляски наскочило на бугорок, слегка изменяя траекторию движения, и тут же обод для рук зацепился за одну из опор качелей. Коляску резко развернуло и завалило на левый бок. – Тыдыщ! – успел озвучить свое падение Мишка.

Качели полетели обратно. Пристегнутый Мишка с трудом высунулся из-за коляски, но тут же спрятал голову, чуть не получив вновь возвратившимися качелями в лоб.

Пашка успел увидеть этот момент и тут же схватился за качели, стараясь затормозить их бег. Это оказалось не так просто. Качели были тяжелые, а Пашка – нет. Но в конечном итоге парень справился и подбежал к другу.

– Живой? Ударился? По голове получил?

– Отвечаю по порядку, – рассудительно сказал Мишка. – Да, нет, нет.

Пашка задумался, так как стал вспоминать свои вопросы, чтобы соединить их с ответами. Но вскоре его лицо просветлело.

– А, все понял. Вот и отлично.

– Надеюсь, что отлично. А то я один раз ручку тормоза коляски погнул, ох и разговоров было!

– Сильно ругали? – Пашка помогал поставить коляску на колеса, да еще и с пристегнутым Мишкой внутри.

– Нет, конечно, но разговоров много было о том, как бы сделать мою коляску еще менее убиваемой. У меня ведь и так все узлы укрепленные, да и сама конструкция сверхпрочная. Дорогое удовольствие, конечно, но зато у меня очень крутая коляска. – Мишка редко чем хвастался, но вот от своей коляски он всегда был в восторге. Она была его продолжением, частью его тела, практически им самим. – А ты не представляешь, как потом эти разговоры меня замучивают. Толкут воду в ступе и толкут.

– В ступе от Бабы-яги? – не понял Пашка. Его родители поговорками не увлекались.

– Нет, есть такая специальная ступа, где толкут что-нибудь, чтобы сделать порошок, – попытался пояснить Мишка, но сам сбился, когда сказал слово «порошок» – мало ли как его Пашка мог понять. – Когда зайдем ко мне, я тебе покажу.

Ребята побрели к Мишиному дому. Точнее, брел Паша, а Миша катился рядом. Некоторое время оба молчали, стараясь додумать то, что не получилось. С одной стороны, им интересно было, что бы могло получиться, а с другой – оба уже не хотели повторения. Мишка боялся за коляску, Пашка за Мишку.

Перед подъездом Пашка помог товарищу очистить коляску от песка и земли, после чего друзья распрощались. Был восьмой час вечера, и Пашке пора было возвращаться. Впрочем, Мишке тоже надо было возвращаться, вот только возвращались они в разные места.

В доме уже привычным движением Миша опустил накладной пандус, по которому с некоторым трудом, но вполне успешно заехал к лифту. Он подумал, поднимать или не поднимать

обратно пандус, и решил побороть лень. В своем подъезде Мишка всех знал, и все знали Мишку. Поэтому если кто-то шел домой и видел опущенный пандус, обязательно его поднимал. Все знали, что, если пандус опущен, это Мишка или вышел, или зашел, но у него не хватило или сил, или терпения, или времени этот пандус поднять обратно. Сегодня лень немного посопротивлялась и сдалась. В принципе, Мишка всегда бы поднимал этот пандус за собой, если бы это было удобно делать. А так... Наклоняться, чтобы подцепить пандус за ручку, было очень неудобно, и Мишка рисковал даже перевернуться иногда, когда особенно резво брался за это дело. Сегодня он все сделал неторопливо и точно. Почему-то разные мысли полезли в голову и не хотели вылезать. Лифт приехал быстро, так что через пару минут Мишка уже въезжал в квартиру.

– Нагулялся? – встретила мама Мишку вопросом, а заодно и тряпкой, которой тут же стала протирать колеса кресла.

– Нагулялся, – как можно спокойнее ответил Миша. Мальчик всегда ругался с мамой по поводу этих протираний. Он всегда и все стремился делать сам. А тут мама начинала за ним ухаживать. Впрочем, мама действовала весьма тактично и, если Мишка приходил с друзьями, не вмешивалась (если, конечно, была дома, а когда не была дома, то не вмешивалась еще более активно). Отец предлагал купить домашнюю коляску, но Мишка сразу заупрямился. Ему нравилась именно та, на которой он катался, и никакую другую он даже видеть не хотел. Хотя запасная коляска в доме все же была. Ведь никогда нельзя знать точно, что может случиться как с человеком, так и с предметом.

Сегодня Мишка выглядел совсем одиноким и даже каким-то потерянным.

– Ничего не случилось? – Больше всего маму удивило отсутствие спора по поводу колес.

– Нет. – Мишка улыбнулся. – Я просто задумался.

– Ужинать будешь?

– Конечно! – Мишка только сейчас почувствовал, как сильно проголодался. Вот теперь мысли о еде сразу вытеснили все посторонние мысли, отчего Мишка заметно повеселел и принюхался. – Я чувствую запах жареной картошки.

– Какой ты у нас нюхач, – рассмеялась мама. – Проезжай.

Мишка много чего любил, но вот от жареной картошки вообще никогда не отказывался. Поэтому быстро помыл руки и подкатился к столу.

Пока он ел, пришел папа. Он весело потрепал сына по голове. Спросил про день, послушал про их приключения с Пашкой (о своем падении Мишка предусмотрительно промолчал), а затем и сам присоединился к общему ужину.

Мишка очень любил, когда они вот так, всей семьей собирались вместе. Приятно было смотреть на смеющегося папу, который все время сыпал разными шутками, видеть улыбающуюся маму, порой отвечающую ему не менее остроумно. Мишка и сам не сидел как истукан, он даже не обращал внимания на забитость своего рта. Забит – не забит, появилось что сказать, тут Мишка вступал в разговор, причем, действовал он все равно аккуратно, он же представлял, как будет неприятно всем окружающим, если во время его речи у него изо рта будут вылетать остатки еды.

Ужин прошел, и Мишка отправился в свою комнату. В принципе, можно было сесть за компьютер и чем-нибудь там заняться. Но что-то сегодня Мишке залезать в него не хотелось. Пока мальчик странствовал по всяким оздоровительным центрам, он привык к книгам, смотрению в окно, рассматриванию всего того, что его окружало. Эта полезная привычка помогала ему в трудную минуту, когда ни мамы, ни папы рядом не было. Если он не читал, то ложился на кровать так, чтобы смотреть в окно. Особенно Мишка любил, когда по небу бежали облака. Тогда пейзаж за окном все время менялся, постоянно там что-то происходило, летали замки, драконы, гномы, да и множество других самых разных сооружений и персонажей, о которых когда-либо читал или слышал Мишка. Впрочем, он не забывал придумывать и что-то свое.

– Смотрите, как на брындагляка похож, – сказал он как-то зашедшей медсестре и показал на необычное облако.

– Кого-кого? – не поняла та.

– На брын-да-гляка, – медленно и с расстановкой повторил Мишка.

– Это где это ты про такого слышал? – удивилась медсестра. Она была молодой и еще далеко не все сказки забыла.

Мишка хотел ответить: «У себя в голове», – но решил, что после такого ответа его примут за сумасшедшего. Поэтому сказал проще:

– Я его сам придумал.

– А, тогда понятно. – Медсестру позвали из коридора, и она поспешно вышла.

Мишка мог часами лежать и смотреть на облака, придумывая истории. Там у него летал и страшный брындаглюк, и маленькие партамушки. Но свои истории он никому не рассказывал, считал, что это никому не будет интересно, кроме него самого. Поэтому наслаждался своими интересами самостоятельно.

Вот и сегодня Мишка взял книгу про «Алису в Зазеркалье». Там был его любимый стишок про Бармаглота:

Варкалось, хливкие шорьки
пырялись на наве,
и хрюкатали зелюки,
как мюмики в мове.

Впрочем, этот стишок он уже давно и крепко знал наизусть. Его радовали эти необычные слова, сложенные в такой забавной последовательности. Однако, проглядев лишь первую страницу, Мишка посмотрел в окно и задумался. До его любимого домашнего третьего этажа доставали ветки каштана, порой, в сильный ветер, эти ветки начинали стучать в окно, папа даже как-то подрезал их. Мишка тогда сильно за него боялся. Ведь папе пришлось открыть окно, ловить непослушные, сильно качающиеся из стороны в сторону ветки. Один раз папа даже так сильно высунулся, что Мишка рванул к нему, но успел вовремя остановиться, потому что папа очень быстро залез обратно. Теперь это происшествие Мишка вспоминал с улыбкой. Его особенно забавляло то, как он рванул тогда к отцу. Порой он представлял, что папа и правда начинает вываливаться, а он подкатывается и хватает его за ноги, не давая вывалиться совсем. Таким мыслям Мишка всегда улыбался. В его понимании все же было, что лучше, чтобы ничего такого страшного не происходило. А уж как кому-нибудь помочь, он и сам придумает.

Ну что ж, не будем мешать Мишке задумываться, пусть пока отдохнет.

А Пашка в это время сидел дома за компьютером и резался с друзьями в очередную игрушку. Но перед тем, как войти в игру, Пашка сначала проверил, нет ли в Сети Мишки. И, не обнаружив там его, понял, что сегодня Мишке не захочется играть.

Они часто ходили в рейды на пару, охотились на других игроков или просто путешествовали по виртуальным мирам, изучая их, добывая предметы и опыт. Без Мишки Пашка играл нечасто, точнее, тогда он играл в одиночные игры, не связанные с Интернетом. Но сегодня ему почему-то захотелось зайти и посмотреть, что же там происходит в он-лайн игре.

Играл он неплохо и сразу же влился в коллектив, однако долго играть ему не пришлось. Неожиданно его выкинуло из игры.

– Что такое? – удивился Пашка вслух.

Примерно те же слова раздались и из комнаты родителей. Вскоре выяснилось, что кто-то забыл заплатить за Интернет. Звучало «кто-то» потому, что мама говорила, что папа обещал заплатить еще на прошлой неделе, а папа говорил, что ему обещали напомнить за пару дней

до отключения. Теперь что-либо предпринимать было уже поздно, так что все почти огорчились и занялись своими делами.

Пашка взялся за «боевую фантастику». Это была одна из его любимых серий. Он понимал, конечно, что правды в таких книгах практически нет, но ему так нравились всякие космические или просто необычные приключения, что такие книги влекли его с неудержимой силой.

Читал Пашка обычно лежа в кровати. От этой традиции он не отошел и на этот раз. Книга быстро увлекла его, но через пару глав ему вспомнился Мишка. Не то чтобы он сильно о нем беспокоился, но проверить, все ли с ним нормально, хотелось. Все-таки Пашка немного испугался, когда увидел, что качели летели точно в голову высунувшегося Мишки. «Это очень хорошо, что он успел спрятаться», – рассуждал Павел. А затем ему стали представляться всякие картины того, как качели бьют Мишку по голове. Вариантов десять он посмотрел, после чего решил написать эсэмеску Мишке, чтобы узнать, точно ли с ним все в порядке.

«Ты как? Норм?» – написал Пашка и нажал «отправить».

«Норм», – быстро пришел ответ.

«Как-то быстро он мне ответил, и коротко слишком», – подумал Пашка. И написал:

«Точно норм?»

Ответ снова не заставил себя ждать:

«Точнее не бывает».

Пашка не удержался:

«Бывает».

«Это как?»

«А вот так».

«А вот так – не ответ».

«А вот и ответ, просто без пояснений».

«И что это за ответ, если ничего из него не понятно?»

«Ну, вот такой вот ответ».

«Ладно, спасибо, что не забываешь старого друга».

«Не такой уж ты и старый». – Пашка пририсовал в конце улыбку.

«Зайдешь завтра после школы?»

«Наверняка».

«Покедам», – написал одно из своих любимых слов Мишка.

«Покедам-дам-дам», – в тон ему ответил Пашка.

«Вот и ладно», – посмеялся Павел и снова углубился в книгу. Скоро надо было собираться спать, а хотелось дочитать, чем же закончится боевая атака конфедератов на планету Зельда.

Мишка задумчиво покрутил в руке телефон. Ему было приятно, что Пашка про него не забывает, и в то же время ему было жаль, что он сам не додумался ему написать. Вообще, эсэмэски они посылали друг другу нечасто. Чаще старались общаться в соцсетях, так было намного проще.

Пашке завтра надо было идти в школу, Мишке же – только дожидаться репетитора. Ему тоже хотелось ходить в школу, общаться с ребятами, утром собирать учебники и тетради, получать оценки в дневник и журнал. В общем, быть обычным ребенком. Родители обещали, что в следующем году, если освоит всю программу, Мишка сможет пойти в четвертый класс. Это подстегивало мальчика, давало большой стимул заниматься и выполнять домашние задания. Будильник он не ставил. Вера Петровна приходила к одиннадцати, а занимались они до двух. Потом она оставляла ему задания и уходила. Мишка после ее ухода обедал и садился за «домашку» (а иногда сначала делал задания, а потом уже обедал). И только после того, как все выполнял, считал себя свободным и приступал к развлечениям.

Мишка вздохнул, перелез с кровати на кресло и покатил в ванную комнату, готовиться ко сну.

«Завтра будет новый день и новые дела», – рассудил Мишка и забрался в постель. Тут же к нему заглянула мама, поцеловала на ночь и выключила верхний свет, оставив лампу на столике у изголовья. Затем, как обычно, зашел папа, потрепал сына по голове и посоветовал не засиживаться надолго.

– Организм хорошо спит и отдыхает, когда на улице темно, – говаривал он. – Поэтому не стоит пренебрегать этим временем.

Папа уходил на работу рано, так что Мишка его по утрам видел только в выходные дни. Зато мама уходила часов в десять-одиннадцать, так что она успевала не только Мишку увидеть, но и покормить завтраком. Репетитора Мишка встречал чаще всего в гордом одиночестве. Чтобы никто его не обманул, Вера Петровна звонила ему по телефону, когда стояла уже около двери. Только тогда Мишка открывал дверь. Он ведь не мог дотянуться до дверного глазка, а папа пока никак не мог найти время, чтобы придумать, как бы сделать так, чтобы сын мог в этот высокий глазок смотреть. Кстати говоря, Пашке тоже пришлось перейти на эту систему, а то далеко не всегда родители Мишки были дома, когда он приходил.

День закончился вполне нормально. Немного побаливал бок, там даже синяк появился, а в целом всё было очень забавно. Мишка лежал и прокручивал в голове прошедший день. В окно заглянула луна.

– Привет, – тихо прошептал Мишка и закрыл глаза. Во сне он представлял, как луна смотрит на него и рассказывает сказки. Ему представлялось, как он садится в свое любимое кресло и едет по лунной дорожке вверх, к самой луне. Еще не выехав, он уже думал, как интересно будет смотреть по сторонам. И даже несмотря на то, что темно, Мишка понимал, что будет интересно посмотреть на яркие огни городов.

Он успел преодолеть уже половину пути до луны, когда сон во сне сморил его и мальчик заснул окончательно. Это уже не в первый раз его фантазии сотрудничали со снами. Но еще ни разу, ни во сне, ни наяву, он не сумел добраться до луны. Он сам не понимал, почему так получалось, но факт оставался фактом. Впрочем, такая недостижимая цель становилась призом, к которому стоит стремиться. Может быть, даже всю жизнь.

Миша спал и смотрел приятные сны. Но луны уже в них не было.

Варим макароны

Пашка позвонил около пяти вечера.

– Чего звонишь? – сразу же приветствовал его по телефону Мишка.

– Да вот, стою у двери чьей-то, – в тон ему ответил Пашка.

– А, понятно. Как думаешь, кто-нибудь за дверью есть?

– Не знаю, но я звонок трогать не буду. Разве что постучу слегка.

– Давай-давай.

На самом деле Мишка не тянул время, он просто пересаживался с кровати на кресло, попутно пытаясь не уронить телефон, прижатый головой к плечу. Хотя такие диалоги у ребят происходили часто. Слишком уж скучно было бы говорить стандартные «Алло и Привет». Но иногда все же приходилось быть банальными.

Когда Мишка подкатывал к входной двери, он слышал тихий стук.

– Такое ощущение, что ты стучишь в мою дверь.

– Твои ощущения тебя не подвели.

Мишка открыл дверь и впустил смеющегося друга.

– Как настроение? – Мишка говорил, не выпуская телефона.

– Можешь уже отключить мобильник.

– О, точно. – Мишка громко рассмеялся. – А я думаю, чего так голову неудобно держать.

Пара движений – и мобильник отправляется в карман.

– Есть чего интересного в школе? – спросил Мишка, провожая друга в комнату.

– Да ерунда сплошная. Это тебе хорошо – дома сидишь, со школой не заморачиваешься. –

В голосе Пашки не чувствовалось зависти, только констатация факта.

– Наверное, – с сомнением протянул Мишка. – Но, честно говоря, я бы с удовольствием и походил. А то сижу тут в четырех стенах...

– Каких это четырех? У тебя три комнаты, плюс кухня, плюс ванная комната, плюс туалет – вон сколько стен!

– Это считать надо.

– Ну и посчитай, – весело предложил Пашка.

– Так... получается, в общем-то, шесть комнат. Шесть на четыре...

– Дать калькулятор? – поиздевался Пашка.

– Да у меня на телефоне есть, – отмахнулся Мишка, продолжая считать в уме, точнее, больше делая вид, что считает, так как таблицу умножения он знал вполне прилично. – Двадцать четыре.

– Отлично! У нас есть решение! Приз в студию! – радостно зааплодировал Пашка.

Мишка важно раскланялся в разные стороны и друзья покатались со смеху. Когда им все же удалось отсмеяться, у Пашки неожиданно заурчало в животе.

– Твой живот хочет поесть?

– Да и я был бы не против. – Пашка погладил себя по животу.

– Пойдем проверим, что там мне оставили.

Сегодня в кастрюлях были борщ, вареная картошка и жареная курица. Мишка знал, что Пашка курицу-то любил, а вот вареную картошку – не очень.

– Слушай, может, макароны сварим? – предложил Мишка.

– Да ладно, я могу и картошкой обойтись.

– Да уж ладно уж, – замахал руками Мишка. – Что я, не помню, что ли, что ты картошку вареную не любишь.

– Что, что. Ты прямо как Штокингер³. – Пашка вспомнил одного из персонажей известного сериала. – А макароны-то есть? – Идея ему очень понравилась. – Правда, я их не очень-то умею готовить.

– Да я тоже сам их не готовил, но технологию знаю. – Мишка особо не заморачивался всякими такими «не умею», «не получится» и тому подобное.

Они полезли в шкаф.

– Видишь, какой выбор. – Мишка стал доставать пачки по одной и показывать Пашке. – «Трубочки», «перья», спагетти номер один и номер три.

Все пачки оказались закрытыми.

– Что будем готовить? – Мишка придирчиво разглядывал макаронное разнообразие.

– Трудный выбор, все хочется попробовать.

– Хм-м, интересный вариант. – Мишка вскрыл «трубочки» и взял одну штуку. Покрутил в руках и откусил кусочек. – Хрустит.

– Логично, – Пашка тоже взял одну штуку. – Вкус сильно отличается от вареных.

– Это точно.

Затем они попробовали понемногу от «перьев», спагетти номер один и номер три.

– Так я не чувствую особой разницы, – отчаянно хрустя спагетти номер три, сказал Мишка.

– Я тоже.

– Давай их смешаем и сварим, посмотрим, что получится.

– Давай.

– Вот только надо их как-то поодинаковее сделать, – решил Мишка.

– Как это – поодинаковее?

– Поломаем на равные размеры, и отлично.

Они ревностно принялись за дело. Ломались макароны весело, но маленькие кусочки от них разлетались по всей кухне.

– Как смешно получается, – засмеялся Пашка.

– Ага, – поддержал его смехом Мишка. Ему весело было смотреть и слушать, как с треском ломаются макароны и как некоторые кусочки летят и стучат по плите или по стенкам.

Небольшая кастрюлька наполнилась довольно быстро.

– Думаю, этого хватит, – критически осмотрел наломанную кучу Пашка.

– Пожалуй. Вот только теперь туда еще и воды надо как-нибудь напихать.

– Напихать воды? – снова рассмеялся Пашка. – Будем утрамбовывать ногами?

– Наверное, – улыбался Мишка. Он взял стакан и стал наполнять кастрюлю водой из-под крана.

– Не многовато? – Пашка с подозрением разглядывал воду, которая наполнила кастрюлю почти под самые края.

– Сойдет, – отмахнулся Мишка и включил электрическую плиту.

Чтобы как-то скоротать ожидание, они сели прямо на кухне поиграть в настольную игру. Дело шло весело и приятно. Но тут непонятное шипение отвлекло их внимание.

– Ой, макароны вылезают! – крикнул Мишка.

– Лови их! – Пашка, конечно же, сумел быстрее отреагировать и подбежать к кастрюле. Мишка опоздал всего на пару секунд.

Переизбыток воды и распухшие макароны лезли во все стороны. На плиту уже ринулись шипящие водопады. Мишка выключил плиту, но, как вы знаете, электрическая плита остывает довольно долго, поэтому шипеть она не прекращала, а кипеть эта большая куча разномастных

³ Забавный следователь из сериала про полицейскую собаку «Комиссар Рекс».

макарон не переставала. Пашка схватил тряпку и попытался подхватить выливающуюся кипящую воду.

– Ты что! – крикнул Мишка. – Тряпка от плиты загорится!

И правда, пока Пашка слушал, тряпка, которая продолжала касаться только начавшей остывать плиты, начала обугливаться. Тряпка тут же полетела в раковину и захлебнулась водой из-под крана.

– А чего делаем?

– Дай хваталки, – скомандовал Мишка.

Пашка схватил висящие на холодильнике (сбоку, на крючочках) хваталки и передал Мишке. Тот сразу взялся за кастрюлю и переставил ее на другую конфорку. Вода стала быстро успокаиваться, а макароны перестали вылезать, но продолжили пухло торчать.

– Пожалуй, мы слишком много положили.

– Ага, – быстро согласился Пашка. – Давай разложим на пару кастрюль?

– Давай.

Плиту решено было пока не вытирать, так как «все равно еще готовить». А вот перекладывать мокрые скользкие макаронные изделия оказалось не так уж и удобно. Ребята старались использовать две вилки, но вредные макаронины все равно старались выскользнуть и развалиться на столе. Приходилось их потом пальцами собирать и в новую кастрюлю забрасывать. Впрочем, ребята справились быстро, постоянно подтрунивая друг над другом.

– Они у тебя прямо между пальцев проскальзывают, – смеялся Пашка.

– А у тебя вообще сквозь руку проходят, – смеялся Мишка. – Может, через твои руки тоже очень удобно вермишель отбрасывать?

Друзья с радостью вспомнили мультик про Простоквашино.

– Жаль, что там не показали, как в реальности эту вермишель отбрасывать надо, – в конце концов подвел итог Мишка.

Теперь на плите стояло две кастрюли с долитой водой. Но теперь ребята поступили умнее, не долив сантиметров пять до верха.

– Думаю, теперь все должно получиться, – сказал Павел.

– Несомненно.

Друзья снова сели за игру. Минуты через три Мишка задался вопросом:

– Слушай, а разве не надо было макароны посолить?

– Думаю, что надо.

– А много надо?

– Конечно, там же вода всю соль съест.

Вскоре по одной трети от пачки соли переместилось в обе кастрюли.

– Отлично, – Мишка весело потер руки. Ему выпал удачный ход. Но тут его осенило: – Кажется, еще и сахар можно добавлять.

– Не знаю, – засомневался Пашка. – Но сахаром макароны не испортить.

На том и порешили. По десять кусочков сахара полетели в кастрюли.

– Думаю, вот-вот сварится уже, – понюхал воду Пашка.

– Я тоже так думаю. Давно уже варим вроде.

Ребята сели еще поиграть немного...

– Что-то запахло чем-то, тебе не кажется? – принялся Пашка.

Мишка посмотрел на кастрюли, которые уже давно и отчаянно дымились. Впрочем, мощная дымовая завеса висела и в кухне.

– Вот мы заигрались!

Ребята бросились кто куда: Пашка открывать окно, чтобы проветрить помещение, а Мишка выключать плиту.

– Ну как, готово? – поинтересовался Пашка, подходя к Мишке, который разглядывал содержимое одной из кастрюль.

– Кажись, пригорело немного, – ответил Мишка. – А ведь их еще надо сливать.

Друзья попробовали перевернуть одну из кастрюль в дуршлаг.

– Что-то не хотят оттуда макароны вылезать, – огорчился Пашка.

– Ничего, сейчас захотят! – Мишка схватил ложку и стал выковыривать слипшуюся, страшную подгоревшую массу. – Видел, как круто получилось? Я еще никогда таких макарон не пробовал.

– Может, проще из них пирожков понаделать?

– А что, отличная идея.

И ребята принялись отрывать от бывших макарон, превратившихся в практически единую массу, куски и лепить из них пирожки.

– Вот только пирожки обычно с начинкой бывают, – вспомнил Пашка.

– Давай туда ириски положим.

Дело пошло споро и четко. Вскоре уже два десятка пирожков ожидало своей участи.

– Как красиво получилось, – восхитился Мишка. – Со второй кастрюлей будем так же разбираться?

– Лучше подождем. А то вдруг не понравится.

– Хорошо.

Несмотря на то, что ребята трудились быстро, макаронные пирожки уже подстыли, а хотелось все же чего-нибудь горяченького. Мишка поставил греться борщ на плиту, а пирожки – в микроволновку. В принципе, он и борщ в микроволновке разогревал обычно, но на данный момент микроволновка была занята пирожками.

Пашка уже деловито доставал тарелки, ложки и вилки. Игра и приключения с готовкой заставили его забыть о голоде, но теперь, когда все разрешилось, есть ему захотелось с удвоенной силой.

– Ну как? Ну что? – несколько раз спрашивал он Мишку, который теперь уже особенно внимательно следил за борщом.

– Сейчас, сейчас, пусть хоть разок булькнет.

Пашка с трудом дотерпел до долгожданного «булька», после чего схватил половник и навалил себе целую тарелку борща. Курицу решено было пока не трогать, сначала ребята хотели получше распробовать получившиеся пирожки.

Мишка тоже решил не отставать и себе также налил полную тарелку.

– Приступим? – Мишка занес ложку над борщом, а другой рукой схватил пирожок.

– Приступим, – повторил его движения, как будто специально скопировав, Пашка.

Борщ пошел весьма хорошо, но затем пришла очередь ирисково-макаронных пирожков. Первые пирожки пошли весьма неплохо, потому что ребята были очень голодные и глотали пирожки большими кусками, к тому же заливая их борщом. Но уже когда половина суповой тарелки опустела, пришла пора слегка приостановиться и обратить внимание на вкус.

– А что, не так уж и плохо получилось, – с трудом разлепляя рот от расплывающейся ириски, пропыхтел Пашка.

– По-моему, вполне съедобно.

Они откусили еще по одному куску и стали задумчиво пережевывать.

– Мы прямо как дегустаторы, – сказал Мишка. Пашка только согласно кивнул. – Будем потом наш новый рецепт всем предлагать, и станет он самым известным в мире. Как тебе такое?

– Было бы неплохо, но что-то я пока не определяюсь, насколько это вкусно.

– Честно говоря, я тоже...

Друзья откусили еще по кусочку и снова задумались.

– Слишком уж специфический вкус получился, – наконец сказал Павел и стал заедать откушенные куски остатками борща.

– Согласен... Наверное, с солью переборщили.

– Ха-ха, хорошо, что борщ не переборщили, – посмеялся Пашка своему каламбуру.

– Это потому, что не мы его делали, – рассмеялся в ответ Мишка.

Половину из сделанных пирожков ребята все же осилили, но потом решили, что уже наелись, и вторую кастрюлю вообще оставили без внимания.

– Вот видишь, даже курица жареная не понадобилась, – сыто потер пузо Пашка.

– На завтра пригодится, – согласился Мишка.

Они помыли посуду (кроме кастрюль, конечно) и пошли в Мишкину комнату. Хотя, если говорить точно, мыл Мишка, а вытирал и убирал на место Пашка. Такое вот разделение труда получилось.

Примерно через час вернулась мама. Подозрительный запах ее сразу насторожил, хотя все это время кухня продолжала проветриваться. Зато на кухне она увидела результаты мальчишеских трудов. Она покачала головой, а потом заглянула к ребятам.

– Что это вы там такого хитрого понаготовили? – поинтересовалась она.

– Сначала мы хотели сварить макароны, но потом у нас что-то не заладилось, и вот... – начал говорить Пашка.

– Зато у нас получились вкуснейшие пирожки, – слегка приукрасил действительность Мишка. – С ирисками!

– С ирисками? – улыбнулась мама. – Надо будет попробовать. А завтра давайте-ка я научу вас, как правильно готовить макароны.

Она вышла, а ребята снова погрузились в свои развлечения.

Мама не обманула, и на следующий день показала все этапы приготовления макарон. И пояснила, что смешивать всё в одну кучу не стоит, ведь разные макароны и варятся разное время. Поэтому если их вместе варить, потом получится, что одни макароны будут недоварены, а другие переварены.

Ребята на всю жизнь уяснили себе, как готовить макароны, а через неделю даже сами справились с готовкой, чем заслужили похвалу как мамы, так и пришедшего с работы папы Миши.

Война с одуванчиками

Майское утро встретило ребят приятной прохладой и веселым солнцем. Сегодня было воскресенье, выходной, так что друзья могли целый день не отвлекаться на уроки или школу.

Надо сказать, что именно в это время пышно расцвели одуванчики, желтым ковром покрывая бывшие зеленые территории.

Мишка, который летом частенько выезжал на дачу, отлично помнил, как боролись с одуванчиками бабушка и родители. Стоило упустить несколько корешков, как одуванчики с такой радостью снова начинали вырастать по всему участку, что просто диву приходилось даваться.

– А почему те цветы, которые мы сажаем, не всегда легко вырастают, нам еще за ними смотреть приходится, чтобы с ними ничего не случилось, а с одуванчиками боремся, боремся, а они все равно появляются? – спрашивал Мишка у мамы.

– Видимо, потому, что одуванчики растут сами, им приходится бороться за свою жизнь, вот они и вырастают такими сильными и живучими. А садовые растения привыкли быть изнеженными, слабенькими, привыкли, чтобы за ними ухаживали, им помогали. Вот и получается, что как только цветы начинают ссориться, мешать друг другу, вырастая на одной территории, одуванчики побеждают, а садовые цветы проигрывают. Слишком уж не готовы они бороться. Вот и приходится нам помогать тем цветам, которые сажаем.

Так пояснила мама. Мишка посчитал такое объяснение весьма правдоподобным.

– По-моему, одуванчики объявили нам войну! – сообщил он Пашке.

– Почему?

– Смотри, как их много. Они же так все цветы вытеснят, и никого, кроме них, не останется.

– Думаешь, нам надо вмешаться? – Идея Пашку заинтересовала.

– Несомненно.

– А как?

– Мы будем с ними драться.

Мишка посмотрел по сторонам, прокатился к деревьям и постарался достать с земли длинную палку. Пашка подошел и подал ему выбранное оружие. Затем порыскал глазами по сторонам и нашел палку для себя.

– Теперь мы готовы к битве! – сообщил Пашка и махнул пару раз палкой в одну и другую сторону.

– Думаю, что да. Сейчас опробуем.

Мишка покатился к одуванчиковой поляне. Пашка пошел за ним следом.

Мишка подъехал и встал у самой кромки. Палка в его руке была довольно длинной, и он спокойно мог достать и до земли, и, конечно же, до одуванчиков.

– Властью, данной мне вселенной, я объявляю вас врагами цветочного государства. Будьте готовы принять бой, – торжественно объявил Мишка, поддел концом палки один из цветков и резким движением оторвал сам цветок, который подлетел высоко вверх, а затем упал в ряды «наступающей» желтой армии.

– Война началась! – воскликнул Пашка и бросился в бой.

Пашка высвободил всю свою силу и ловкость. Палка летала вверх-вниз, вправо-влево. Не только желтые цветки, но и зеленые кусочки листьев, стеблей, нераскрывшихся бутонов – всё это полетело в разные стороны.

– Ну ты бульдозер! – воскликнул Мишка.

– Не бульдозер, а комбайн, – хохотнул Пашка.

Мишка решил больше не отвлекаться на друга, а сосредоточиться на собственных действиях.

– Я буду искать их генералов.

Мишка не заметил, что Пашка кивнул ему в знак согласия.

Он стал искать самые крупные цветки и в то же время старался глубоко не заезжать, «чтобы не быть окруженным». Одуванчиковые генералы не хотели просто так сдаваться и очень успешно прятались за своими подчиненными, но Мишка всегда был внимательным и сдаваться не собирался. «С основной массой противника – простыми солдатами – Пашка справится и без меня, – рассуждал он. – А вот моя помощь как раз будет состоять в том, чтобы уничтожать тех, кто командует всей этой желтой массой».

Техника Мишкиного боя осталась прежней: палкой он ворошил, двигал и вытаскивал интересующие его цветки, затем эту палку подводил под сам цветок и резко дергал концом палки вверх, срывая таким образом цветочек со своего стебелька. Мишка очень ответственно подходил к назначенным самому себе обязанностям. Тщательно отбирая объекты для устранения, Мишка внимательно вглядывался в цветы. Ему виделись в выбранных цветках глаза, злобно смотрящие из-под лепестков, и зеленая военная форма, в какой-то степени напоминающая хаки, даже желтая фуражка у противников выглядела очень натурально. Мишка весь погрузился в свой вымышленный мир, он уже и забыл, что вокруг шла обычная жизнь, жизнь, наполненная людьми. Сейчас он воевал за цивилизацию цветов, борясь с агрессором, старавшимся захватить весь цветочный мир.

Пашка вскоре поумерил свой пыл и стал более целенаправленно «срубать головы». Это оказалось весьма захватывающим делом, так что и Пашка вскоре весь поглотился своим занятием.

Ребята бились практически молча, только иногда слышалось:

– О, это, как минимум, полковник!

– Одним ударом десять голов!

– Смотри-ка, как высоко подлетел!

– Ух, один чуть не ушел!

Неизвестно, что быстрее бы кончилось – время, отведенное на прогулку, одуванчики на поле или терпение ребят, если бы не вмешательство одного человека.

– А зачем вы это делаете? – Невысокая улыбчивая девушка обратилась к Мишке. Трудно сказать, почему она выбрала именно его, может быть, потому, что он был ближе (Пашка уже довольно далеко углубился во вражеские ряды), а может быть, она посчитала, что Мишка тут голова, а Пашка – мышцы. Впрочем, это и не важно.

– Воюем за право жизни другим цветам. – Фраза самому Мишке не очень понравилась, но, как известно, слово не воробей – вылетит, не поймаешь.

– Почему вы так решили?

Мишка остановился и обстоятельно рассказал свою, а точнее, мамину теорию об одуванчиках и садовых цветах. Девушка слушала внимательно и не перебивала.

– А может быть, именно здесь у одуванчиков появляется реальный шанс не забивать другие цветы, а просто жить и расти? – задала она вопрос, когда Мишка изложил ей всю проблему.

Мальчик задумался. Тут и Пашка подошел, завидев, что с его другом кто-то заговорил.

– Мне кажется, теперь это место стало менее красивым. – Девушка обвела полянку рукой.

Ребята огляделись. Да, постарались они на славу. Разбитые места, зеленые, а где и земляные пятна вклинивались в желтое море. Хотя все же, наверное, не море, а озеро. Такие пятна выглядели не очень симпатично.

– В нашем городе цветов не так уж и много, а одуванчики такие живучие, что могут в неприятной городской экологии вырастать и радовать нас своей красотой.

Мальчики задумались.

– Я не собираюсь вас в чем-то переубеждать, я просто делюсь с вами своими мыслями и своим видением проблемы, – закончила она. Затем попрощалась, помахав ребятам рукой, и пошла своей дорогой.

Мишка еле успел выйти из задумчивости и попрощаться в ответ. Пашка же вообще промолчал.

Ребята еще некоторое время разглядывали свои труды. Наконец Мишка прервал молчание:

– Знаешь, мне кажется, мы несколько перестарались. – Мальчик рассуждал как бы и сам с собой, и одновременно советовался с другом. – С одной стороны, наша теория была верна, но с другой стороны, в данном месте, как мы видим, никто ничего садового сажать не собирается. А если бы и собирался, то уж наверняка сначала удалил бы мешающие ему одуванчики.

Пашка кивнул, как бы поддерживая такой ход мыслей. Между тем Мишка, получив поддержку, продолжал:

– А раз так, то у нас с нашими врагами возникло некоторое недопонимание, которое только мы можем разрешить, противнику такие решения не под силу. Он или сопротивляется, или нет. – Мишка повернулся к одуванчикам: – Мы предлагаем вам перемирие! – Посмотрел на Пашку, тот согласно кивнул. – Мы обозначили свою позицию, надеюсь, вы ее поняли. Но теперь мы оставляем поляну в вашем распоряжении. Удачи вам и нам. Мира вам и счастья.

Закончив свою пламенную речь, Мишка выкатился с поля, Пашка с помощью палки отдал одуванчикам честь и пошел за ним следом. Палки полетели на свои прежние места.

– И все же битва прошла весьма захватывающе, ты не находишь? – с радостно блестящими глазами обратился Мишка к другу.

– Я пока еще ничего не находил, – пошутил тот в ответ, но затем тут же добавил: – А битва была что надо.

Через несколько дней одуванчиковое поле восстановилось, и ребята даже приходили смотреть, как шло восстановление.

– Не зря же мы малышей не трогали, – радовался Мишка.

– Ага, – соглашался Пашка.

А еще через несколько дней желтая поляна начала сесть.

– Стареют, – сообщил Мишка.

– Цветочная жизнь недолговечна, – говорил Пашка.

– А жаль... – От этих слов Мишке становилось немного грустно, но ненадолго. – Зато видишь, сколько у них семян. И ведь многие из них вырастут.

– К тому же, само растение не умирает, это всего лишь меняется сам цветок, как у нас волосы, почти что, – поддерживал Пашка.

Ребята радовались тому, что все в мире так грамотно устроено, и шли куда-нибудь играть.

Щенок

Мишка всегда хотел иметь собаку. Ему представлялось, как ее поводок будет привязан к его коляске, как он будет ее выгуливать, а она будет прыгать вокруг него, залезать на колени, радоваться ему. Но родители, которые почти всегда и практически всё позволяли своему сыну, на этот раз стояли как камень: «Нет». Мишка не понимал, а может быть, и не хотел понимать, почему они так сопротивлялись его желанию. «Ответственность», «живое существо» – это всё были для него слова практически ничего не значащие. Мальчику не верилось, что он не справится. Все сомнения разрешил один случай...

Май все еще подходил к концу, но лето никак не наступало. Пашка вот-вот должен был вернуться из школы, но обычно он сначала забегал домой, чтобы оставить школьный рюкзак, иногда обедал и только потом шел к Мишке. Так было изо дня в день. Чаще всего Мишка ждал его дома и только потом вместе с другом выходил на улицу. Но сегодня приятная погода и хорошее Мишкино настроение заставили его выехать на улицу немного пораньше.

– Как приятно! – все же Мишка не настолько уж часто выходил на улицу. Особенно зимой или в дождь. Поэтому он с радостью принимал такие погожие деньки. Мишка вышел в кепке, но увидев, какое яркое сегодня солнце, решил надвинуть ее поглубже, закрываясь козырьком от бьющего в глаза света. – Пора заводить черные очки.

Мишка иногда разговаривал сам с собой, но только тогда, когда считал, что его никто не слышит.

Сегодня он вышел в такое время, которое у всех обычно занято: кто-то еще в школе или только из нее возвращается, взрослые еще на работе и не скоро вернуться, разве что дворник порой ходил и подметал территорию. Впрочем, сегодня его поблизости не наблюдалось.

Пашка должен был скоро подойти, поэтому Мишка не хотел далеко уезжать. У него, конечно же, был с собой мобильный телефон, но он представлял, что если заберется куда-нибудь подальше, потом, пока услышит звонок, пока ответит, пока они с Пашкой найдут друг друга пройдет много времени. Такое дело весьма интересно, почти как игра в «казаки-разбойники», но все же не сегодня. Сегодня хотелось наслаждаться жизнью и окружающей действительностью.

Мишка выехал на дорожку и поехал вдоль дома. Он смотрел больше вверх, стараясь разглядеть облака, которые прятались за густыми ветками и листьями. Неожиданно жалобный скулеж привлек его внимание. Мишка тут же повернул голову на звук и постарался разглядеть того, кто его издавал. Сначала ему ничего не удавалось разглядеть, потому что яркое солнце, которое хоть и пряталось за листьями и ветками, все же светило весьма неплохо. Глазам потребовалось некоторое время, чтобы настроиться на темный угол дома. Когда глаза немного освоились, Мишка разглядел, что в темноте кто-то шевелится. Он подкатил поближе. Совсем вплотную подъехать у него не получилось, мешал высокий бордюр, поэтому Мишка поехал по дорожке к соседнему подъезду, который был поближе к неизвестному существу, и уже оттуда разглядел того, кто скулил.

– Собачка! – радостно воскликнул он.

И правда, перед ним оказался щенок. Черненький, симпатичненький, хотя немного и толстоватый.

– Какой симпатичный!

Мишка стал звать щенка. Сам он никак не сумел бы к нему подъехать, тут уже мешал не только бордюр, но и высаженные кусты, и старые деревья.

– Иди сюда! Барбосина! Барбосик! Иди сюда!

Щенок (и как только он сумел догадаться, что зовут именно его?) перестал скулить и прислушался, а затем медленно и не очень уверенно направился в сторону мальчика.

– Давай, давай, еще немножечко, Барбосик, беги ко мне.

«Беги» – это звучало очень громко для того способа передвижения, которое применял щенок. Его короткие лапы переставлялись с некоторым трудом, а пузо зачастую чиркало по земле. Щенок выглядел несколько вялым, хотя вполне возможно, что он просто был еще совсем маленьким и ничего толком делать не умел. Но все же собака старалась изо всех сил. А Мишка ее отчаянно поддерживал.

Сколько времени прошло, сказать трудно, для Мишки это было не более минуты, для щенка – часа два. А для нас – всего пару строк. Но время временем, а передвижение передвижением. Щенок добрался до коляски и стал тыкаться в нее носом. Он пытался достать до ног мальчика, но для этого ему нужно было встать на задние лапы, а это у него почему-то не получалось.

– Придется тебя дрессировать, – весело сообщил щенку Мишка и попытался дотянуться до него рукой. Не получилось. Слишком сильно наклоняться мальчик не решился, боясь вывалиться из коляски. Ногами пошевелить он не мог, чтобы еще и ногой привлечь внимание щенка. Поэтому он продолжал просто подзывать щенка, наклоняясь вперед насколько было возможно.

Щенок, чувствуя, что его зовут и хотят приласкать, удвоил свои усилия, пытаясь взобраться на подножки инвалидного кресла. У него почти получилось, но он вновь свалился на асфальт, прямо на спину. Неуклюже перевернулся и вновь предпринял очередную попытку. Мишка решился на более отчаянный шаг – поставил кресло на тормоза и постарался наклониться как можно ниже. Левой рукой он держался за подлокотник, а правой тянулся к щенку.

– Давай, щеночек, давай. Еще немножечко, постарайся, – шептал он.

Сначала ничего не получалось, но затем Мишка стал потихонечку раскачиваться – рывочек вперед, затем откат назад, затем еще один рывок и снова слегка приподняться, третий рывок, четвертый. . . Лишь на шестой раз у него получилось ухватить щенка за шкуру и потянуть его наверх. Сначала удалось затащить его на подножки, и лишь затем Мишка сумел поднять щенка к себе на колени.

– У, какой ты симпатичный, – разглядывал он маленькую, острую мордочку собачки. Щенок радостно бил хвостиком и пытался лизнуть Мишку в нос. – Нет, нет, в лицо не надо, – хохотал мальчик, уворачиваясь от мокрого языка.

– Чего это ты тут хохочешь без меня? – раздался голос Пашки.

– О, привет! – продолжая смеяться, воскликнул Мишка.

– Привет, привет. Ты где его взял?

– Да вот здесь и взял, только-только на колени затащил, – пояснил Мишка. – А ты как меня нашел?

– Тебя трудно не заметить, – весело ответил Пашка. – Иду к твоему подъезду, смотрю, а ты у другого подъезда чего-то прячешься. Пошел посмотреть. И вот я тут.

– Это хорошо, а то мне неудобно было бы сейчас с телефоном возиться.

– Щенок симпатичный, но чего ты будешь с ним делать? – Пашка протянул руку и стал гладить собачку за ухом.

– Об этом я, честно говоря, даже не думал. Но, может быть, этот щеночек специально меня тут дожидался? Возьму его домой. Видишь, его явно тут бросили.

То, что щенок явно был брошен, сомнений не вызывало. То ли это бывшие хозяева какие-нибудь постарались – сначала взяли, а потом он им надоел, то ли какая-нибудь бездомная собачка оценилась, вот только тогда куда подевались все остальные щенки? Пашка предположил, что все же, скорее всего, щенка просто выбросили из дома. Причем специально.

– А раз брошенный, то теперь мы за него отвечаем. А раз отвечаем, то уже бросить не можем, а раз бросить не можем, то придется мне его брать к себе домой. – Мишка притворно вздохнул.

– Да, тяжелое дело. – В принципе, Пашка был в курсе того, что Мишка уже давно хотел собаку, поэтому правильно понял его притворство. – Вот только я как-то не уверен, что твои родители очень сильно обрадуются этому щенку.

– Это да... Но деваться нам некуда, ты же сам видишь. Не могу же я его обратно под окна положить?

Щенок, видимо чувствуя, что тут решается его судьба, ласкался изо всех сил – и руки ребятам лизал, и радостно пищал, и подставлял пузико, и закатывал глаза, и «улыбался», показывая мелкие зубки. Как тут было не умилиться?

Ребята не устояли.

– А как ты будешь за ним ухаживать? – интересовался Пашка. – Я могу помогать, но ведь не всегда.

– Нет, я должен справляться сам, без чьей-либо помощи, только в этом случае родители точно оставят собаку дома. Кстати, я назову его Барбосом.

– Нормальное имя, – поддержал Пашка.

– И я так думаю. Тем более что оно как раз для таких дворовых собак.

– Почему ты решил, что она дворовая? Может, она породистая?

– Может быть, но все же мне не верится, чтобы дорогую породистую собаку вот так легко выбросили на улицу, – рассудил Мишка.

– Логично, – согласился Пашка.

Они еще немного повозились с собакой и пошли к Мишкиному подъезду.

– Может, дать ему немного прогуляться? – предложил Пашка. – Вдруг дома потом напакостит?

– Давай дадим, – согласился Мишка и стал спускать собачку с колен на землю, рядом с дорогой.

Барбос (раз ему дали такое имя, то, пожалуй, так и будем его называть) заупрявился и стал сопротивляться. Он хотел сидеть на коленях и совсем не желал куда-либо спускаться. Он цеплялся маленькими коготочками за Мишкины штаны и не хотел сдаваться. Щенок даже скулить начал, причем очень громко.

– Не хочет он спускаться, – сдался наконец Мишка.

– Наверное, боится, что мы бросим его здесь одного.

Пашкина идея, скорее всего, была верна. Щенок, брошенный один раз, наверняка очень не хотел оказаться брошенным еще раз.

– Ладно, будь что будет, пошли домой.

Пашка зашел первым, опустил пандус и стал ждать, когда Мишка поднимется вверх. Во время подъема щенок проявил поразительное терпение, он лежал на коленях у мальчика и боялся даже кончиком хвоста пошевелить. Пока Михаил вызывал лифт, Пашка поставил пандус на место. Щенок, почувствовав, что его оставили в покое и ему ничего не грозит, уютно устроился (сложившись калачиком) на коленях и заснул.

– Он что, спит? – удивился Пашка уже в лифте.

– Не знаю. – Мишка внимательно посмотрел на песика и прислушался. – Но глаза закрыты и посапывает.

Ребята чуть не рассмеялись, но успели себя сдержать, боясь разбудить утомленного щенка.

До прихода родителей оставалось еще много времени, и у мальчишек была возможность хоть как-то подготовиться.

Первым делом была найдена большая половая тряпка (хорошо, что пока еще сухая), затем щенка пришлось разбудить, чтобы отправить в ванну. Вот здесь Мишка столкнулся с первыми трудностями. В ванную комнату он проезжал спокойно (как раз для этого кресла двери были немного расширены, а то обод от колеса в обычные двери не пролезал), но дальше пред-

стояло повозиться со щенком. Мишка взял щенка на руки, тот сонно что-то пропыхтел и зашевелился, затем постарался положить в ванну, но достать до самого дна у него не получалось. Пашка пришел на помощь, подхватив щенка и положив на дно ванны.

Достать до крана у Мишки тоже не получалось. Стиральная машина, которая стояла рядом с ванной, находилась прямо напротив двери, не позволяя инвалидной коляске подъехать к противоположной стене вплотную. Когда Мишка сам мылся, ему было проще, он находился в самой ванне, а как действовать теперь?

На помощь снова пришел Пашка.

Когда воду включили, щенок проснулся окончательно и горестно заскулил, затем постарался выбраться из ванны, но скользкие стенки не давали ему даже толком постоять на задних лапах. Щенок соскальзывал и распластывался на пузе, после чего с некоторым трудом собирал лапы и вставал вновь.

Так как никаких специальных шампуней у ребят под рукой, конечно же, не было, мыли собачку детским мылом.

– Это чтобы ему глаза не щипало, – пояснил Мишка.

Грязи на Барбосе оказалось совсем немного. Повезло, что тот еще нигде не успел изваляться. Воду щенок воспринял неоднозначно. С одной стороны, перестал вырываться, а с другой стороны, стал дрожать как осиновый лист на сильном ветру.

– Замерз, что ли? – спросил Пашка.

– Вряд ли, вода-то теплая, – с сомнением ответил Мишка. – Думаю, ему просто страшно.

После мытья щенка старательно вытерли половой тряпкой, а затем поставили на пол. Барбос попытался встряхнуться, упал на бок, затем встал и потопал по коридору. Несмотря на то что ребята очень старались его вытереть насухо, мокрые следы за щенком оставались. Да и недлинная, но густая шерсть выглядела весьма мокрой.

– Ух, сейчас наследит, – проворчал Пашка.

– Ничего, когда мама вернется, все высохнет, – отмахнулся от такой незначительной детали Мишка.

Щенок сразу почувствовал себя как дома, то есть совершенно свободно. Мишка еле-еле успел дверь в родительскую комнату закрыть. Все же сразу в первый день устраивать такой сюрприз родителям не хотелось. Сначала надо было постараться привести их в максимально добродушное состояние.

Щенок прошелся по коридору до входной двери, там понюхал половичок и побежал обратно. Заглянул в Мишкину комнату, но заходить не стал, затем направился напрямиком на кухню.

– О, знает, куда бежать, – рассмеялся Пашка.

– Молодец!

Мишка ехал следом. Точнее, они вдвоем так и преследовали щенка. Мишка старался не наехать Барбосу на лапы, а Пашка старался увернуться от колес кресла, а попутно не наступить на Барбоса. Зато щенок ни о чем не беспокоился, во всяком случае, не беспокоился о тех, кто его окружает. Зато интерес проявлял ко всему, что попадалось на пути. А уж как только кухню учуял...

Мишка быстро отыскал две небольшие алюминиевые тарелочки. В одну ребята налили воды из-под крана, а в другую положили несколько кусочков, оторванных от котлеты.

– Хорошо, что он уже не такой маленький, а то пакетное молоко наверняка бы пить не стал, – прошептал Мишка, не спуская глаз с любопытного щенка.

Барбос сначала немного полакал воды, а затем переключился на котлету.

– Видал, какой голодный? – восхитился Пашка, который успел пообедать дома и поэтому о еде и думать особо не хотел.

– Давно, наверное, выбросили его. Странно, что его за это время никто не подобрал.

– Да кто сейчас подбирать кого-то будет? Не нужны животные никому, только для развлечения берут, затем выбрасывают, – грустно сказал Пашка. Со стороны могло бы показаться, что Пашка сказал какую-то услышанную фразу, и, скорее всего, услышал он ее от родителей.

– Но мы же подобрали, – резонно заметил Мишка.

– Мы подобрали... – тихо повторил за ним Пашка.

Вскоре щенок получил еще пару кусочков и только после этого посчитал, что наелся.

– Он же больше половины котлеты съел! – восхитился Пашка, когда посмотрел на то, что осталось от довольно большой котлеты.

– Ага, – веселился Мишка. – Наверное, было бы более правильно назвать его Обжоркиным.

Ребята дружно расхохотались. Щенок от неожиданности вздрогнул, как-то подслеповато посмотрел на ребят, отошел от мисок и... напрудил весьма приличную лужу.

– Ох, ну и горазд же он... – Пашка не договорил.

– Ну ничего себе! – Мишка задумчиво смотрел на растекшуюся лужу. – Теперь это ведь кому-то убирать...

– Видимо, мне, – вздохнул Пашка.

– Извини, нехорошо как-то получается, – грустно сказал Мишка. – Я щенка взял, а тебе убирать за ним придется.

Ему на самом деле было грустно. Он только сейчас начинал понимать, с какими трудностями придется сталкиваться. И эти трудности возникали на каждом шагу. А ведь щенок не прожил в доме еще и получаса.

– Не беспокойся, возьму ту же тряпку, которой Барбоса вытирали, ты не против?

– Нет, конечно, тем более что она и так уже мокрая.

Другой тряпки все равно под рукой не оказалось, а искать специально не хотелось.

Пашка быстро справился с лужей и сполоснул тряпку над ванной.

Щенок в это время забрел в Мишкину комнату, нашел удобное место на ковре, где благополучно и заснул.

– Хрюшкин-храпюшкин, – с веселой прибауткой через некоторое время вошел в комнату Павел.

– Это точно. То у меня на ногах храпел, то теперь на ковре.

– Слушай, ему же место какое-то надо выделить, половичок какой-нибудь, тряпку или еще что-то, – сказал Пашка.

– Ну, тряпку – это неинтересно, а вот половичок – это да. Но с этими делами буду разбираться вместе с родителями. Без них этого нельзя. – Чего «этого», Мишка не пояснял, но подразумевалось под «этим» очень многое. Причем столько такого, о чем мальчик еще и не задумывался.

Пашка присел рядом со щенком и стал его гладить. Затем он заметил, что Мишка смотрит с некоторой грустью и завистью. Мишка же думал о том, чтобы тоже слезть с кресла на ковер, но в то же время, представлял, как глупо он выглядит ползающий по ковру, и всё не решался. Зато Пашка быстро сообразил, что нужно сделать. Он осторожно подsunул руку под щенка и перенес его на кровать, положив Барбоса на самый край, так, чтобы Мишка мог до него дотянуться с кресла, но в то же время чтобы щенок случайно не свалился на пол.

– Спасибо. – Мишка благодарно улыбнулся, подкатил поближе и тоже стал гладить щенка.

А сам щенок даже и не думал ни о чем волноваться. Он лишь сонно приоткрыл глаза, когда его переносили на кровать, а затем вновь засопел, так и оставшись лежать клубочком.

– Забавно, вот как можно быть таким доверчивым? – спросил через несколько минут Мишка.

– А ты бы не доверял тем, кто тебя домой привел, помыл, покормил, спать уложил и всё такое?

– Наверное, доверял бы, но, с другой стороны, в человеческом смысле это было бы как-то подозрительно. Хотя в собачьем, думаю, это вполне нормально.

– Тем более что он еще совсем маленький. А все малыши, как ты знаешь, очень доверчивы.

– Это да... – завершил этот диалог Мишка.

Они погладили щенка еще несколько минут, после чего решили оставить его в покое и перебрались к компьютеру. Мишка поставил новый квест, и ребята решили пройти его на пару. Причем играли по очереди: мозгами ребята шевелили совместно, а вот руками сначала работал Мишка – управляя мышкой и щелкая по предметам, затем, через полчаса, за дело взялся Пашка. В четверо глаз игра проходила в четыре раза быстрее (а может быть, ребятам просто так казалось, да они никуда и не торопились, им была интересна сама деятельность).

Они успели продвинуться довольно далеко в игре, когда послышался звук открывающейся двери. Мишка похолодел – наступал самый страшный момент, так сказать, момент истины.

– Привет! Всё играетесь?

Мама мельком заглянула к ребятам и пошла дальше. Мишка в это время по второму разу засел за мышку и тут же замер. Когда же мама прошла дальше, то резко выдохнул.

– Вздыхай, не вздыхай, а сказать придется, – сообщил Пашка. Он, конечно, переживал за своего друга, но ему все же было легче. Сам он животных любил, но даже никогда не думал о том, чтобы кого-то завести у себя дома. Как Пашка считал, ему «и так развлечений хватало».

– Пойду говорить, – решился Мишка и отъехал от компьютера, даже не сохранив игру. Пашка исправил этот недостаток и пошел следом.

– Мам, слушай... – Мишка не знал, как начать, но понимал, что надо что-то говорить, и желательно по делу. Мама в это время уже была на кухне и готовилась к тому, чтобы готовить ужин. – Ты... это... знаешь...

– Пока не знаю, но, думаю, ты мне сейчас скажешь, – шутливо сказала она, отворачиваясь от рабочего стола, впрочем, она поняла, что Мишка в чём-то нашкодил.

– Ну, в общем, как бы, понимаешь, я случайно вышел гулять, а тут это... того... и получилось... как бы немного не совсем, чтобы так, но вот, понимаешь...

– Пока не очень понимаю. – Мама правда старалась понять, что же такое случилось. Она не очень беспокоилась, так как видела, что с ее ребенком все в порядке, коляска также в норме, дома ничего не сгорело и никого не затопило, поэтому ничего особо серьезного она не боялась. Но понять все же хотелось, что же до нее пытался донести сын.

– Я хотел сказать, что это ведь если так получилось, то куда же деваться?

– От чего или кого деваться? – снова не поняла непонятливая мама.

– Мы тут собачку принесли, – вмешался Пашка.

– Хм-м, – хмыкнула мама. – И где вы ее взяли?

– Это маленький щеночек, он у нашего дома брошенный лежал. Он сам ко мне подошел, – стал пояснять Мишка.

– А ты его даже и не звал совсем? – улыбнулась мама.

– Ну разве что пару раз.

– Понятно.

– Пойдем, я тебе его покажу!

Пашка посторонился, пропуская друга, а Мишка, немного нервно дергая колеса, покатиł в свою комнату.

Когда все зашли в комнату, то увидели, что щенок уже проснулся и теперь ходит по кровати, пытаясь спуститься вниз. Вот только щенку казалось, что он находится слишком высоко.

– Барбосик! Осторожно! Подожди! – закричал Мишка и еще быстрее покатил вперед, врезался подножками в кровать и остановился. Затем наклонился и взял щенка на руки. Только потом повернулся к маме. – Вот, видишь... Видишь, какой он хорошенький.

Мама подошла и потрепала щенка по голове.

– С тем, что он хорошенький, никто спорить не собирается. Но мы с тобой, по-моему, обсуждали, почему нам не очень удобно заводить собаку.

– Я все помню, но тут так само получилось.

– Понятно. – Мама с сомнением смотрела на щенка и думала.

Пашка молчал, понимая, что в этот разговор ему лучше не лезть.

Наконец мама приняла решение.

– Ладно, оставляй его пока что, а там посмотрим, как ты будешь с ним справляться. Вы...

Мишка ее перебил:

– Мы его помыли.

– А чем вытирали?

– Тряпкой... половой... – смутился Мишка.

Мама улыбнулась и вышла. Мишка посмотрел на Пашку. Тот подмигнул ему, как бы поддерживая. Щенок стал шебаршиться на руках, ему уже становилось скучно, хотелось походить, поиграть, подвигаться. Мишка стал его удерживать, но тут вернулась мама.

– Эта тряпка будет для того, чтобы вытирать щенка, – показала она ярко-красную большую тряпку. – А вот это половичок для него.

Половичок был без особых изысков – сам по себе серый, с синей окантовкой.

– Спасибо.

Мишка протянул руки к маме. Та обняла его, затем передала Пашке половичок и вышла.

– Куда будем класть? – поинтересовался Пашка.

– Вопрос интересный и весьма серьезный, – задумался Мишка.

Впрочем, надолго щенок задуматься ему не дал, он стал вырываться более активно. Мишка осторожно спустил Барбосика на ковер. Щенок сразу начал принюхиваться и бегать по комнате. Делал он это так неуклюже и смешно, что ребята рассмеялись.

– Закрой дверь, пока он не вышел! – крикнул Мишка, когда увидел, что Барбос может выйти из комнаты. – Пусть пока тут привыкает. Лучше будет, если он в моей комнате жить останется, а не начнет по всей квартире бегать.

– Сомневаюсь, что Барбосик не захочет проведать всю квартиру, – засомневался Пашка. – Кстати, давай о месте для щенка все же подумаем.

– Насколько я понимаю, на кровати ему спать нельзя. Так что не будем к этому его приучать. Хотя...

Мишка вспомнил, что на кровати щенка он может легко достать, а вот на полу... Однако сам щенок пока что на кровать залезть и сам не сумеет, мал еще, а вот когда вырастет, тогда и видно будет.

Ребята стали осматривать комнату. Попробуем и мы на нее взглянуть.

Итак, зайдём и остановимся в дверном проеме. Дверь открывается внутрь, так что стена справа от нас пустая, так как ни поставить, ни положить туда чего-нибудь было бы нельзя, а точнее, это было бы непрактично, дверь постоянно об это что-то билась бы. Зато дальше стоял компьютерный стол с выдвижной частью для клавиатуры, местом для дисков, динамиков и принтера. В общем, это был уголок счастья современного мальчишки, да и девчонки тоже. Кроме того, рядом со столом стоял крепкий массивный стул, обычно его использовал Пашка, но иногда и Мишка пересаживался на него со своего кресла, но только делал он это очень редко.

За столом было еще некоторое почти пустое пространство, которое занимало все то, что обычно размещается в детской комнате, – короб и коробочки с игрушками, настольными играми и тому подобное.

Слева, примерно посередине, у самой стены стояла кровать со специальным ортопедическим матрасом и специальной подушкой. Перед кроватью, ближе к двери, стоял ящик для постельного белья, а над ним – книжные полки. За кроватью, ближе к окну, стоял еще один шкаф – с книгами. Мишка книги очень любил, ему нравилось не только их читать, но даже на них смотреть. Глядя на знакомые обложки, он сразу вспоминал, что же под ними находится. Может, и недословный текст, конечно, но общее впечатление от книги, героев, их приключения. Прочитанные книги были для него родными, или лучше сказать – лучшими друзьями. Не такими, естественно, как Пашка, но тоже друзьями. А вот незнакомые книжные обложки давали пищу для воображения. Мишка смотрел на такие обложки и представлял, что же там внутри. Он знал о том, что изображение далеко не всегда соответствует тому, что находится внутри, и это было еще интереснее.

Вот, в общем-то, и всё. Ах да, на полу лежал красный узорчатый ковер, и над кроватью висел почти такой же, только с другим рисунком. В принципе, и над кроватью бы полки повесили, но против такого «повешения» выступил папа. Он вообще не любил, когда что-то тяжелое висит над головой, поэтому нигде ничего такого не висело. «Мало ли что,» – говорил он. – Книжные полки тяжелые. На голову упадут – мало никому не покажется. Впрочем, если не на голову, то тоже будет плохо». Поэтому на стене над кроватью висел ковер, а над ковром – часы, которые громко тикали в темноте. Такому чуду всегда удивлялся Мишка. Ни утром, ни днем, ни вечером он эти часы не слышал, разве что начинал специально прислушиваться, зато стоило выключить свет, как часы начинали стучать очень громко. Однако Мишка уже давно к ним привык, и тиканье ему не мешало, скорее наоборот, он любил его слушать, оно как-то убаюкивало, создавало сонное настроение. «Возможно, это уже рефлекс выработался», – думал он (так он стал думать после одной из серий «Смешариков», где рассказывалось о таком свойстве смешарикового, да и человеческого организма).

Ой, чуть не забыл (совсем автор забывчивый стал, извини уж меня, дорогой читатель): за кроватью у изголовья стоял столик (точнее, изначально подразумевалось, что это будет у изголовья, но мальчик очень любил смотреть в окно лежа на кровати, а когда он ложился головой к столику, то смотреть ему приходилось на дверь, поэтому Мишка периодически менял свое месторасположение на кровати: когда была неинтересная погода, Мишка спал головой к столику, а когда интересная, то к двери). На этот столик Мишка перед сном ставил воду или чай. В принципе, он вполне мог бы и съездить ночью на кухню, если бы пить захотелось, но все же кресло – это не самый тихий объект для передвижения. А Мишка не хотел даже случайно будить своих родителей, поэтому заранее готовил для себя питье перед сном. Кроме того, на столике стояла лампа, лежала книжка и мобильный телефон. В общем, когда Мишка ложился спать, все вокруг обеспечивало ему максимальные удобства.

После того, как ребята осмотрели всю комнату, решено было постелить коврик для щенка под столиком.

– Будет для него своеобразная конура, – шутил Мишка. – А что, крыша есть, стены тоже. – Одну стенку образовывала спинка кровати, а другую – книжный шкаф.

– Да, согласен, вариант оптимальный, – согласился Пашка.

Тут же половичок забрался под стол (с помощью Пашки, конечно) и там удобно устроился. Ребята стали показывать щенку его новое место. Но тот пока что хотел найти для себя что-нибудь более интересное.

– Надо попозже с этим делом к нему пристать, – решил Мишка. – Барбосина только выпался недавно, ему теперь играть хочется или есть.

– Наверное.

Но так как с едой пока лучше было не торопиться, чтобы не мешать маме готовить ужин, решено было попробовать со щенком поиграть. Ребята полезли в игрушки, выискивая что-нибудь интересное. К сожалению, ничего особо интересного найти долго не удавалось: то

игрушки были слишком маленькие и ребята боялись, что щенок их проглотит, то, наоборот, слишком большие, а некоторые просто опасные, вдруг щенок что-то оторвет от них или уколется? В конце концов был найден небольшой мячик. Точнее, небольшой для детей, но для щенка вполне внушительный. Пашка стал катать мячик перед щенком. Тот сразу увлекся новой игрушкой (до этого он пытался жевать угол ковра) и радостно стал бегать за катающимся предметом.

Мишка не мог безучастно смотреть на то, как Пашка развлекается с его собакой, поэтому сам спустился на пол и лег на бок. Ребята стали перекатывать мяч друг другу, играя в «собачки». Мишка с такой игрой не был знаком, но Пашка про нее ему рассказал. Ученики в школе, на уроках физкультуры иногда играли в «собачки». Один ребенок был водящим-«собачкой», а остальные перебрасывали или перекатывали друг другу мяч, стараясь сделать так, чтобы «собачка» до мячика не добралась. Такая же игра получалась и здесь. Но так как щенку могло быстро наскучить, что он никак не может добраться до мячика, ребята иногда давали ему возможность достать до мяча и немного его покатать. Для маленькой пасти Барбоса мяч был великоват, поэтому щенок не мог захватить его зубами – мяч все время откатывался, вот и получалось, что он сам гонял мячик по всей комнате.

– Какой он забавный, – веселился Пашка.

– Не то слово, – хохотал Мишка. Он был практически счастлив. «Практически» потому, что он понимал, как много предстояло еще сделать. А кроме того, еще не сказал своего слова папа.

Ребята и не заметили, как быстро пролетело время. Им казалось, что они только начали играть, а Мишина мама уже звала их ужинать. Пашка не часто оставался на ужин, можно даже сказать, всего один или два раза, но сегодня был такой день, что он не чувствовал в себе сил уйти.

И вот ребята уже сидели за столом. Щенок толкался под ногами, пока ему в миску не положили оставшуюся половинку котлеты, которую нарвали на множество маленьких кусочков. Еще ему налили немного молочка (которое тот даже немного полакал, хотя все боялись, что молоко из пакета он пить не захочет). Котлеты Барбосу понравились, даже очень, он с радостью накинулся на разложенные куски и принялся довольно чавкать.

– Такой маленький и такой громкий, – удивлялась мама.

– Это ты еще не слышала, как громко он умеет сопеть, когда спит, – улыбаясь, сообщил Мишка.

– Ага, – подтвердил Пашка.

Сами они на ужин ели курицу с макаронами.

– Интересно, а когда уже можно будет кости Барбосику давать?

– Насколько я знаю, – ответила мама, – трубчатые кости, такие, как от окорочков, лучше не давать. Собака может их неудачно разгрызть, а потом проглотить куски с острыми краями. А, сами понимаете, если ей в живот попадут острые куски, ничего хорошего от этого не случится.

Ребята согласно закивали. Мишка сам любил иногда разгрызать трубчатые кости – как он говорил: «Я так зубы тренирую», – и видел, какие острые куски получались при этом. Вот и сегодня он специально разгрыз пару костей и еще раз внимательно рассмотрел их, попутно обсуждая этот момент с Пашкой и мамой.

В общем, все решили, что кости щенку давать пока рано, пусть лучше он на специальных собачьих игрушках тренируется. Однако сходить в зоомагазин можно было только завтра. Так что дела с собакой решили отложить на следующий день. Пока некуда было торопиться.

– Даже без ничего Барбосу тут лучше, чем на улице, – сообщил Мишка.

– Несомненно, – согласилась мама.

Ужин был закончен. Пашке очень хотелось дождаться Мишкиного отца (чтобы узнать его реакцию), но было уже поздно, и Пашка откланялся, пообещав написать Мишке ближе ко сну.

Щенок наелся и довольный лежал на кухне, прислушиваясь к мерному и тихому разговору Мишки и мамы. Ему было очень хорошо, он радовался теплу, сытости, приятной обстановке. Сегодня его на улицу больше не выводили, и он натворил еще дел около входной двери. На этот раз убирала за ним мама. Но перед тем, как приступить к уборке, она сообщила Мишке, что это только сегодня, завтра придется придумать, как ему самому справляться с такими трудностями.

Папа пришел почти перед самым Мишкиным сном. Точнее, тем временем, когда мальчик обычно ложился спать. Пашка уже два раза эсэмэсками спрашивал: «ну что там?», «как там?», – ему очень хотелось быть в курсе событий. Щенок уже сидел рядом с Мишкиной кроватью и вяло пытался ухватить мяч.

Как только хлопнула входная дверь, щенок сразу встрепенулся и пошел смотреть на того, кто шумел. Он уже воспринимал себя здесь вполне полноценным хозяином. Мишка ничего не успел сделать, ему нужно было успеть пересечь с кровати на кресло и только потом пускаться в погоню. Поэтому, когда он выехал из комнаты, щенок и папа уже встретились.

– Опа! – воскликнул папа. – Енто кто такой жизнерадостный? – Папа любил иногда перекладывать слова под какой-нибудь лад – то под простонародный, то под какого-то актера или персонажа.

В его голосе не слышалось ничего угрожающего, и это Мишку обнадежило.

– Мы его нигде не покупали и ни у кого не просили! – сразу стал говорить мальчик. – Он сам нашелся, прямо во дворе, когда я выехал сегодня на улицу погулять. Щенок у соседнего подъезда лежал, брошенный. Он так скулил, так скулил, что я не смог удержаться.

Интересно было то, что щенок сразу воспринял папу как своего. Возможно, он уже хорошо изучил все запахи в квартире и поэтому узнал и папин запах, а может быть, он просто почувствовал, что папа – это свой человек из этой стаи, так что его надо обязательно поприветствовать. Может быть, то, как щенок радостно встретил папу, и дало такой положительный эффект. Папа разулся, снял куртку, затем присел и пристально посмотрел на щенка, который уже старался изображать прыжки, вставая на задние лапы, а передними опираясь на папину правую ногу. Еще Барбос забавно болтал хвостом и повизгивал.

Папа погладил, как он сказал, «жизнерадостное» существо и пошел мыть руки после улицы. Проходя мимо Миши, он и его потрепал по голове, правда, уже другой рукой.

Мишка посчитал, что все обошлось. Но радовался он рано. Когда папа привел себя в порядок и о чем-то переговорил с мамой, он зашел в Мишкину комнату, в которой тот еще сидел за компьютером и общался с Пашкой в социальной сети.

Папа присел на кровать, а Мишка развернулся к нему вместе с креслом. Щенок в это время снова подбежал к папиным ногам и попытался вылизать его носки, но папа не разрешил, а потрепал Барбоса за ухом и подтолкнул в сторону Мишкиной коляски.

– Я поговорил с мамой, – начал папа. – И мы решили, что ты можешь пока оставить щенка дома.

Это «пока» не очень понравилось Мишке.

– Мы дадим ему и тебе испытательный срок, ну, скажем, две недели. Если за эти две недели ты и он сумеете так наладить свою жизнь, чтобы не зависеть от нас с мамой, так и быть, щенок останется с нами. Если же нет, надо будет подумать, куда его пристроить. Мне кажется, да и маме тоже, что это вполне справедливое решение. Ты как считаешь?

Мама и папа были такими родителями, которые почти никогда не приказывали Мишке. Они всегда советовались, выдавали аргументы, сыпали фактами, стараясь всё объяснить своему сыну, чтобы тот понимал, почему решение принято такое, а не иное. Прямой приказ нужен только в армии, говаривал папа, а в обычной жизни люди должны понимать, что и для чего

происходит. К этому он приучал и сына. Мишка также мог высказывать свое мнение, выдавать свои аргументы, и их с полной серьезностью рассматривали, даже если аргументы сводились к мальчишескому «Просто хочу!», хотя такое бывало редко. В данном случае Мишка был полностью согласен с решением родителей. Он и сам не хотел бы, чтобы за него кто-то что-то делал, ему и сегодня было неприятно, а точнее, весьма грустно смотреть на то, как другие ухаживают за ЕГО щенком, а он в это время только взирал сверху на их действия. Но Мишка считал, что все можно исправить, все можно придумать. И что надо только хорошенько приглядеться к тому, что и как надо делать, а дальше будет намного легче.

Когда они всё обговорили и всё разрешилось, Мишка написал о положительном решении Пашке и с радостным и вдохновенным настроением пошел спать. Перед сном мальчик несколько раз показал щенку на его коврик под столом, но Барбосик пока не очень правильно понимал, чего от него хотят, и залезал то под компьютерный стол, то под кровать, то под стул.

– Эй, вредина! Я же тебе показал твое место, куда ты все лазишь? – спрашивал щенка Мишка и вновь перетаскивал Барбосика к половичку. Сейчас Мишка и сам находился на полу, по-другому до собачки ему было бы не достать. Где-то на седьмой-восьмой раз его это утомило, и мальчик решил оставить щенка в покое. Только дверь в свою комнату он тщательно закрыл, да и родителей, заглянувших к нему перед сном, попросил о том же. Ему очень хотелось, чтобы щенок полюбил именно его комнату и несильно стремился бегать по всей квартире.

Когда папа выключил свет, Мишка стал прокручивать в голове прошедший день и радовался тому, как сегодня все удачно обернулось. Он, конечно, не боялся своих родителей и не думал, что на него кто-то будет кричать или сильно ругаться, но что так легко и мама и папа воспримут появление щенка, он никак не предполагал. Сегодня Мишка лежал лицом к окну. Ему хотелось мечтать, а мечты его переплетались со щенком. Он иногда поглядывал на темный силуэт, который еще некоторое время шебаршился в темноте, а затем успокоился на половичке под столиком. Несмотря на то, что на улице уже была ночь, в комнате абсолютной темноты не было. Уличные фонари, свет от соседнего дома, от луны, может быть, даже от звезд все это создавало в комнате сказочный приятный полумрак. Хотя нет, мрак тут было не наполовину, а гораздо больше, процентов на семьдесят. Но это не мешало разглядеть все то, что находилось в комнате. Когда щенок залез под стол, Мишка потерял его из поля зрения. Но он не полез смотреть, как там Барбосик устроился, боясь его побеспокоить своим вниманием. Мишка просто лежал и тихо радовался тому, что все так удачно получилось.

Ночью ему приснилось, что у его инвалидного кресла появились серебристые большие крылья. Крылья были такие красивые и такие яркие, что Мишке даже хотелось зажмуриться, но он терпел и любовался. Эти крылья приподняли его вместе с коляской и понесли в сторону луны. Это было непередаваемое ощущение свободы и радости. Мишка ликовал. Он отпустил подлокотники, за которые схватился сначала, испугавшись порывистых движений крыльев и стремительного полета коляски. Мишка чувствовал уверенность в себе, в своих силах и в самой коляске. Больше он ничего не боялся, он верил, что теперь точно доберется до луны и, может быть, даже прокатится по ее поверхности своими колесами.

«Интересно, как меня воспримут инопланетяне, если я их встречу? Подумают, что все люди такие, как я? Вот забавно было бы. Или они воспримут меня как „колёсника“ какого-нибудь?» Мишка вспомнил персонажей из фантастической книги Клиффорда Саймака. «А может быть, они как раз и подумают, что я из их расы?» Мишка рассмеялся, представляя, как его отправляют на незнакомую планету, просто-напросто перепутав с другими существами.

До луны оставалось совсем немного, когда Мишка проснулся.

Собачьи хлопоты

Солнце светило прямо в лицо, заставляя Мишку пытаться открыть глаза и в то же время их зажмурить. Ощущая двойственность ситуации, Мишка чуть не рассмеялся в голос. Но тут он вспомнил о щенке и быстро приподнялся на локтях, обзревая комнату. Щенок, видимо услышавший шевеление на кровати, вылез из-под стола и побежал в сторону Мишки, точнее было бы сказать, в ту сторону, где у мальчика была голова, ведь сам по себе Мишка занимал почти всю кровать, поэтому почти вся сторона была бы его, если так посмотреть. Мишка перевернулся на живот и спустил левую руку вниз, протягивая ее к подбежавшему щенку.

– Привет, Барбосик. Проснулся уже? Или ты уже давно проснулся и ждал, когда твой хозяин-лежебока тоже проснется?

Щенок радовался, вилял хвостом и облизывал Мишкины пальцы.

– Сейчас будем вставать, подожди.

Мишка погладил щенка и сел на кровати. Барбос тут же подбежал к спустившимся ногам и стал теперь там пальцы оближивать. Мишка засмеялся, хотя ноги ниже колен у него практически ничего не чувствовали. Нарушенная чувствительность не всегда давала даже уколы иголкой чувствовать. Мишка еще помнил, как врач проверял эту самую чувствительность. Брал специальную иголку и тыкал в разные части тела, спрашивая: «Чувствуешь?» От колена и ниже Мишка почти всегда отвечал: «Нет». Но щенок этого не знал и продолжал проявлять свои самые преданные и добрые чувства. А Мишка хохотал оттого, что ему забавно было смотреть на такие действия своего маленького друга.

Оделся мальчик довольно быстро, а потом пересел на коляску. Теперь ему приходилось действовать очень аккуратно, чтобы не наехать на щенка, который крутился как под ногами, так и под колесами.

– Ты поаккуратнее, пожалуйста, – пытался Мишка хоть как-то призвать к внимательности щенка, но тот о такой ерунде, как колеса даже думать не хотел. Он бежал туда, куда ему хотелось, и пытался достать до Мишки тогда, когда решал выразить свою благодарность или просто поиграть. Это Мишку несколько напрягало, так как ни о каких быстрых передвижениях теперь нельзя было говорить.

«Интересно, он вырастет большой собакой или не очень? А то если он все время будет таким маленьким, то я же всегда, всю жизнь буду бояться на него наехать!» – думал Мишка, заезжая в ванную комнату. Туда к нему заглянула мама, «приветнула» и рассказала о том, что папа утром уже щенка выгулял, так что с этим можно быть спокойным, но после завтрака надо будет прогуляться в зоомагазин и приобрести все необходимое.

– Ух, ничего себе хитрый какой! – обратился Мишка к щенку. – Уже и погулять успел, а мне ничего не сказал.

Барбос, видимо радуясь своей хитрости, произнес что-то вроде «тяв» и побежал куда-то прочь.

«Ладно, пусть бегаёт, квартиру изучает», – махнул рукой Мишка и принялся чистить зубы.

За завтраком он также узнал и о том, что утром Барбосик еще и творогу с молоком поел.

– Это же я вообще всё проспал сегодня! – возмутился Мишка.

– Зато, надеюсь, тебе снились хорошие сны, – улыбнулась мама.

– Это да...

Мишка не стал рассказывать свой сон, хотя ему очень хотелось. Но слишком уж каким-то детским ему казался такой сон, да и что тут рассказывать? Что крылья у коляски выросли и что летал он всю ночь, пытаясь добраться до луны? Мама, конечно же, поняла бы его, но все

равно Мишка не решился ничего рассказывать, а просто говорил с мамой о том о сем. А щенок вновь теребил пустую миску, вылизывая остатки пищи.

– Смотри, похоже, он опять голодный, – рассмеялся Мишка. – Отъестся, совсем толстый будет.

– Это уже от тебя зависит, будет ему куда энергию свою девать или нет.

После завтрака мама вместе с Мишкой направились в ближайший зоомагазин. Точнее, не в самый ближайший. В тот, который был буквально в соседнем доме, они пойти не смогли. Тот зоомагазин находился в подвальном помещении (которое, видимо, предоставили внаем жильцы данного дома), а чтобы спуститься вниз, надо было преодолеть такое огромное количество ужасно крутых ступенек, что даже и думать нечего было пытаться тут спускаться с Мишкой. Поэтому данный вариант даже не рассматривался. Зато другой зоомагазин располагался весьма удобно, и, кроме пары порошков, никаких ступенек там не было.

– Вот бы все магазины с такими входами были, – сказал Мишка, въезжая внутрь.

Мама придерживала ему дверь. Щенок сидел на коленях и с любопытством разглядывал все вокруг. Несколько раз он порывался слезть с колен мальчика, но тот удержал его.

Народу в магазине пока не наблюдалось, время было неподходящее, и продавщица сумела уделить вошедшим покупателям все свое внимание.

Сначала был куплен тонкий поводок, который с помощью кнопочки быстро убирался в специальный корпус и так же легко оттуда выезжал, если собака куда-нибудь хотела пробежаться. К поводку была куплена шлейка, которую тут же на собачку и надели (ошейник пока покупать было рано, шея у щенка была еще слишком тоненькая). Барбос слегка сопротивлялся и даже попытался ее погрызть немного, но затем отвлекся на другие развлечения. Шлейка была хороша тем, что охватывала туловище собаки, а значит, никакого давления на шею не подразумевалось. А ведь Мишка думал о том, что, возможно, придется поднимать щенка к себе на колени, а в этом случае ошейник уже никак не годился.

Затем мама с Мишкой закупились кучей собачьих игрушек, предварительно хорошенько примерившись к ним, просчитывая, какие игрушки будут удобны для щенка, а какие нет. Среди игрушек появились небольшие резиновые косточки, резиновая собачка, резиновый мягкий мячик, который Барбос мог бы укусить, но который не смог бы проглотить, веревочный канатик и еще парочка запасных игрушек – никто пока не мог сказать точно, что щенку понравится, а что нет. Затем были куплены специальные косточки из жил, которые должны были помогать точить зубки собаки и очищать их лучше всяких зубных щеток. Еще были куплены собачий шампунь и таблетки от паразитов. Еще дома мама объяснила, что, может быть, у Барбоса никаких паразитов и нет, но кто знает? Лучше дать ему для проверки таблетку, пусть выведет всех паразитов, если они есть, а если их нет, то и ладно, таблетка совершенно безвредна.

Напоследок набрали несколько пакетиков различных кормов: полкило сухого корма на всякий случай и десять пакетиков с «мокрым» кормом для щенков. И уже собирались оплачивать товар, как мама вспомнила, что щенка было бы неплохо причесывать. Тут же к куче всего выбранного присоединилась небольшая мягкая щетка для расчесывания шерсти у собак.

Весьма довольные собой мама и Мишка вышли из магазина. Снаружи Мишка проверил еще раз все крепления шлейки и поводка, после чего спустил Барбоса на землю.

– Посмотрим, как мы справимся.

– Это правильно, – согласилась мама.

Щенок некоторое время пытался разглядеть, что же его удерживает, но затем решил, что так и должно быть, после чего стал спокойно трусить рядом с коляской.

Тут Мишка столкнулся с некоторой проблемой: невозможно было крутить колеса и в то же время держать поводок. Мишка попробовал зажать корпус поводка ногами (положив его под себя, точнее, просто-напросто сев на него), но так он его почти не чувствовал, а когда

чувствовал (больше всего пятой точкой), то понимал, что это совсем неудобно. Что делать? Мишка задумался. Наматывать сам поводок на подлокотник коляски было нельзя, потому что он должен легко выходить и входить, приделать куда-то корпус поводка не получалось.

Мишка уже начал расстраиваться, но тут на помощь пришла мама.

– Ничего, сейчас я тебя покачу, а потом дома сделаю специальный чехол, который ты и будешь использовать, чтобы поводок прятать.

Мишка приободрился. Они немного погуляли.

– Мам, а тебе ведь на работу надо? – вдруг вспомнил Мишка.

– Не волнуйся, сегодня я взяла выходной, надо же сначала со всеми собачьими делами разобраться, – улыбнулась мама.

– Это хорошо, – успокоился мальчик и стал следить за щенком.

В принципе, Барбос вполне справлялся с тем, чтобы не сильно путаться в поводке. Хуже всего было, когда щенок лез под кресло, вот этот момент Мишке приходилось отслеживать: во-первых, колеса представляли опасность, а во-вторых, сам поводок мог запутаться вокруг конструкций коляски.

– Да, придется его учить правильно ходить, – в очередной раз вытаскивая щенка из-под коляски, сказал Мишка.

– Всех малышей приходится чему-нибудь учить, – рассмеялась мама. – Вот и поймешь теперь, как это. Мы учим тебя, ты учишь его. Вот такая цепочка.

– Жизненная цепочка, – развеселился Мишка.

Дома мама сразу приступила к делу: она взяла крепкую ткань и сшила ее таким образом, чтобы пластмассовый корпус поводка легко входил в нее, а затем Мишка мог застегнуть этот своеобразный карман на две пуговицы. Кнопка управления поводком, конечно же, оставалась свободной, а сам поводок легко выходил из корпуса и входил обратно.

Пока мама занималась карманом для поводка, Мишка проверял, какие игрушки Барбосу понравятся больше всего. Он не хотел всё сразу отдавать щенку. «Пусть сначала с одними игрушками поиграется, а потом уже с другими, а то сразу все погрызет, и чего в этом хорошего будет?» Так рассудив, Мишка стал показывать щенку по очереди всё купленное, а сам внимательно следил за его реакцией. Лучше всего Барбос отнесся к резиновой красной косточке и серой собачке, еще ему понравился канатик.

– А что, отличный выбор, – одобрил его решение Мишка.

Зашла мама.

– Я почти закончила, а вот тебе надо всунуть половинку вот этой таблетки в Барбоса.

– Эх, эту бяку, – сморщился Мишка.

– Да, эту бяку. Вот и давай, с любым живым существом в дом входят не только радость и любовь, но и всякие бяки.

– Согласен, – вздохнул Мишка и покатился на кухню. Затем передумал и вернулся, попробовал дать половинку таблетки просто так, но щенок не проявил к ней никакого интереса.

– Придется что-то придумывать. – Мишка снова покатился на кухню.

Мальчик решил, что легко что-нибудь придумает, и сразу полез в холодильник, чтобы посмотреть на богатство выбора. А выбор и впрямь был богат: сыры, колбасы, мясо, творог... Глаза разбегались.

– Что же выбрать? – вслух подумал Мишка.

На его голос или просто соскучившись пришел щенок.

– Не хочешь подсказать?

Щенок посмотрел на Мишку, «улыбнулся» (как бы назвал эту собачью физиономию Мишка), а затем тявкнул.

– Это не ответ, – покачал головой мальчик. – Или я его просто не понимаю. Ладно, поступим проще.

Мишка отрезал небольшой кусочек от копченой колбасы и всунул в нее половинку таблетки. Он думал, что в белых кусочках жира белый кусочек таблетки удачно затеряется. Затем Мишка дал кусочек щенку. Тот с подозрением обнюхал новый для себя продукт, затем немного пожевал, но потом оставил и пошел обнюхивать кухню в поисках чего-нибудь более привлекательного.

Мишка стал дальше размышлять. Щенок уже ел котлеты, но больше их не осталось, еще он ел творог...

– О, точно!

Чтобы взять миску, Мишка использовал такой прием: он подъехал поближе к рабочему столу, поставил коляску на тормоза, затем уперся левой рукой в рабочий стол и наклонился. Миску удалось подхватить быстро, тем более что в таком положении Мишка чувствовал себя очень уверенно.

Мальчик налил в миску немного молока, положил маленькую ложечку творога и спрятал в нем половину таблетки.

– А так?

Чтобы поставить миску, ему потребовалось еще раз повторить свои действия с опорой о рабочий стол.

– Эй, троглодит! Иди кушай!

Скорее всего, щенок среагировал на поставленную миску, а не на зов хозяина.

– Уже слушаешься?! Отлично!

Мишка снял тормоза и откатился назад, давая дорогу щенку.

Барбос стремительно (для себя) пронесся к миске и сразу принялся за еду. Мишка ликовавал: щенок так страстно ел, что наверняка должен был проглотить таблетку. Мальчик уже радостно потирал руки в предвкушении своей победы, он даже стал подумывать над тем, как будет рассказывать о своей придумке, но... Когда щенок отошел, в миске осталась зализанная, хорошенько помытая, но до конца не растворенная четвертинка таблетки. Зато все вокруг было вылизано подчистую.

– Вот ты какой хитрый! – воскликнул Мишка. – И чего мы теперь будем с этой четвертинкой делать?

Щенок не стал ничего отвечать, а полез в угол, за шкаф, пытаясь что-то оттуда достать. Морда его не пролезала в щель между стеной и шкафом, поэтому щенок отчаянно пыхтел и старательно перебирал лапами, которые проскальзывали на линолеуме.

– Ну куда ты полез, вредина? – обратился к нему Мишка. – Мышей у нас нет... вроде бы... Тараканы тебя вряд ли будут интересовать.

Впрочем, скоро все разрешилось – Барбос отыскал потерянную макаронину-трубочку и стал смачно ее грызть.

– Ты хочешь сказать, что это вкусно? – Мишка задумался. – Впрочем, помнится, что я тоже люблю невареные макароны грызть.

Мальчик поддержал собачку в этом начинании, и ему очень бы хотелось, чтобы эта четвертинка таблетки оказалась в этой трубочке. Щенок ни с чем не спорил, а просто продолжал грызть свою добычу. А вот Мишке опять предстояло что-то придумывать. Сыр не годился, мясо... Над мясом мальчик немного подумал, но и этот вариант отверг. Еще раз просмотрев содержимое холодильника, Мишка перешел к радикальным мерам. Он достал ступку с пестиком и истолок остатки таблетки в мельчайший порошок. Затем в ступку налил немного молока, размешал в нем остатки таблетки и вылил в миску.

– Барбосик, иди пей! – позвал Мишка.

Как ни странно, щенок отозвался на свое имя и подбежал к коляске, оставив остатки недогрызенной макаронины.

– Нет, ты иди не ко мне, а к миске. – Мальчик показал рукой на миску с молоком. – Вот-вот, сюда. – Ему пришлось дважды провести пальцем в нужном направлении, пока щенок понял, про что шла речь.

Барбосик лениво подошел к миске. Было видно, что он уже не такой голодный. Щенок понюхал молоко, подумал, неохотно лизнул, еще раз подумал, а потом решился и принялся лакать.

– Молодец, хороший песик! – похвалил Мишка.

Вскоре миска опустела, благо Мишка старался налить молока как можно меньше, чтобы щенок мог выпить все до капли.

После того, как миска была проверена, Мишка пошел хвастаться маме, рассказав ей, как хитро он действовал и к какому результату это привело.

– Отлично придумано, – похвалила мама. – Я скоро закончу, тогда примерим новый кармашек для поводка.

Щенок заглянул к ним в комнату, что-то таякнул и вышел.

– Пойду посмотрю, куда это он, – сообщил Мишка, разворачивая коляску.

– Иди посмотри, – ответила мама, не поворачивая головы от работы.

А щенок, видать, сильно притомился, утро у него было весьма напряженным, вот и забрался он на половичок под столом и там мирно заснул. Когда Мишка въехал в свою комнату, а опоздал он всего на минутку, щенок уже спал.

– Ничего себе, как быстро засыпает, – тихо подивился Мишка и поехал к компьютеру, проверять почту.

И снова проблемы

Мама закончила изготовление кармана для поводка довольно быстро, так что Мишка просидел за компьютером не более получаса. Они вместе прикрепили этот карман к правому подлокотнику изнутри, и Мишка самостоятельно попробовал его в действии. Карман подошел как нельзя лучше, мальчик был очень доволен и радостно поблагодарил маму за такую придумку. Но как только он собрался уехать, мама придержала его.

– Подожди, нам еще о некоторых вещах надо подумать. Во-первых, как ты будешь щенка мыть, а во-вторых – убирать за ним?

– Ну, я еще не думал об этом по-серьезному, – ответил Мишка. На самом деле он много чего передумал, но пока еще ничего путного в голову ему не пришло.

– У меня есть несколько мыслей на этот счет. Пойдем.

Они вышли в коридор. Там мама взяла щетку и совок с длинными ручками.

– Вот этим ты можешь собирать основную грязь, что оставляет щенок на полу, а вот эту тряпку, – она показала старую серую ветошь, – будешь мочить, наматывать на щетку, отмывать испачканные места, – пояснила мама все нюансы.

Мишка приободрился, он поверил, что с такими делами справится легко. А если и не совсем легко, то, во всяком случае, наверняка.

– А вот с мытьем щенка дело несколько сложнее. Тут надо бы еще поразмыслить.

– После гуляния я могу его так на шлейке и затащить в ванну.

– А душ как снимать будешь? А достать до дна ванны сможешь? Хорошо, что сейчас сухо и дождя нет, а что будет, когда сплошная грязь наступит? – Вопросы сыпались как из рога изобилия, а ответы – нет. – Ладно, давай пока отложим этот вопрос.

На этом разговор был закончен, и Мишка вернулся в свою комнату. Мысли занимали его, и он старался продумать вариант с мытьем.

Примерно через час пришел Пашка. Щенок проснулся на звонок мобильного и сонно посмотрел в сторону Мишки. Затем выполз из-под стола и сладко зевнул. Мишка услышал, как мама копошилась в коридоре, и крикнул:

– Мам! Открой дверь, пожалуйста! Там Пашка пришел!

Мама ничего в ответ кричать не стала, но Мишка услышал, как заработали дверные замки. Он же в это время пересел на кровать, затем лег на нее и спустил руку вниз. Щенок подбежал к его руке. Мальчик подхватил Барбосика и поднял к себе на кровать. Он успел все это проделать, пока Пашка здоровался, входил, вытирал ноги и разувался. Когда его друг вошел в комнату, Мишка уже сидел на кровати и чесал пузико довольному щенку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.